

Эли Цеханский

ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ.

Часть первая

Эли Цеханский

ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ.

Часть первая

«Автор»

2025

Цеханский Э.

ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ. Часть первая / Э. Цеханский — «Автор»,
2025

Книга исследует смысл жизни и загадку жизни после смерти через разум и науку. Смелый вызов материализму открывает путь к надежде и замыслу бытия.

© Цеханский Э., 2025

© Автор, 2025

Содержание

ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ. КНИГА 1	5
Глава первая. Она же последняя. Все, что мог.	5
Часть 1. Потерянный смысл.	9
Intro	9
Неожиданный союз	10
Новая религия	14
Исчезновение смысла	18
Замки на песке	21
Потеря бессмертия	25
Гедонизм от отчаяния	28
Тихая война	32
Якорь гордыни	36
Intermezzo. Личный опыт.	40
Часть 2. Физика и её границы	42
Intro	42
Молчание о главном	43
Две физики для одной Вселенной	46
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Эли Цеханский

ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ. Часть первая

ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ. КНИГА 1

Глава первая. Она же последняя. Все, что мог.

Я много раз пытался начать эту книгу. Писал первую главу, стирал. Менял тон, ритм, ход мысли. Снова возвращался и снова откладывал. Все время казалось: не хватает какого-то точного жеста, нужного первого слова, с которого все встанет на место. В какой-то момент я просто оставил эту идею и начал писать со второй главы. Так и пошло.

Это особенное чувство – поставить последнюю точку, оглянуться и впервые по-настоящему понять, что именно ты написал. Не что хотел сказать, а что в итоге сказал. Все стало яснее. Спокойнее.

И именно поэтому я понял, что должен написать в первой главе.

Я хочу рассказать, о чем будет эта книга и зачем я ее написал. Не как автор, который обещает, что «будет интересно», – а как человек, который хочет, чтобы тот, кто ищет чего-то другого, мог уйти сразу, не тратя времени. А тот, кто может найти здесь что-то важное, не споткнулся в самом начале и не ушел, так и не дойдя до главного.

Эта глава – первая по счету, но последняя по времени. Она – не предисловие и не аннотация. Это просто попытка показать, куда я шел, зачем и что, как мне кажется, получилось в итоге.

За страницами этой книги скрыт простой вопрос. Точнее – два. Все, что я когда-либо думал или писал, так или иначе сводится к ним.

Первый – есть ли смысл жизни?

Второй – есть ли жизнь после смерти?

Конечно, мы не привыкли формулировать это так прямо. Обычно разговор идет о здоровье, деньгах, воспитании детей, поиске себя, – но стоит копнуть чуть глубже, как выясняется: под всеми этими задачами лежит вопрос, ради чего все это. И будет ли это «все» иметь продолжение – или однажды просто исчезнет.

Кто-то, возможно, скажет: «Ага, понятно. Ты просто боишься смерти». Что ж, да. Вы угадали. Я боялся. Глубоко, по-настоящему. Не так, чтобы каждый день, не истерично. Но внутри, на уровне тела, я знал, что все закончится, и знал, что не хочу этого конца. Этот страх был со мной с раннего детства. Я никогда особенно не признавался себе в нем, но он был. Он заставлял отворачиваться от вечных тем и уходить в текущие дела. Он подсказывал: «Живи здесь и сейчас, потому что потом – ничто». Он не кричал. Он просто стоял в углу.

Теперь – нет. Я больше не боюсь. Не потому, что я придумал утешение. И не потому, что научился с этим жить. А потому что, пройдя путь этой книги, задав все вопросы, сделав все расчеты, я вдруг понял: есть вещи, которые нельзя объяснить случайностью. Есть структуры, которые не укладываются в рамки слепого биологического процесса. Есть логика, которая выходит за рамки материи.

Я не навязываю вам это ощущение. Но я искренне надеюсь, что эта книга даст вам возможность перестать бояться. Не за счет веры и вопреки разуму, а наоборот – через разум. Через знание. Через понимание. Не потому, что кто-то пообещал рай, а потому что вы сами увидите: мир устроен не так просто, чтобы смерть могла быть концом.

В первых главах книги я попробую показать, как наука – не намеренно, не агрессивно, а шаг за шагом – вытеснила сначала из самой себя, а затем из нашей картины мира все, что раньше было связано с понятием замысла.

Когда-то эти вопросы не стояли так остро. Был Бог или боги. Была душа. Были силы, которые были выше нас. Мы рождались в этой картине мира. Мы не сомневались.

Но с конца XIX века что-то начало меняться. Наука шагнула вперед – и вместе с ней к нам пришло новое мышление. Сначала робко, потом все увереннее. В XXI век мы вошли как единое культурное сообщество с негласной установкой: души нет, замысла нет, смысл надо придумать. Страх лечится таблетками. Вечность – это фантазия. Главное – оставаться рациональным.

Я не обвиняю. Но я не согласен.

Я не обвиняю науку. Но однажды я понял, что мы добровольно отдали самое важное, что у нас было. Отдали не под угрозой. По обмену. Как дикари когда-то отдавали золото за стеклянные бусы. Только теперь это томографы, смартфоны и сериалы – в обмен на бессмертие.

Я очень давно это понял. И так же давно решил: я хочу попробовать вернуть свое золото. Не выдумать новую веру. Не поверить «на всякий случай». А найти в самой науке – в ее разрывах, в недосказанностях – то, за что можно уцепиться. Не предположить, а доказать. Чтобы снова иметь право надеяться.

Поэтому, прежде чем говорить о душе, о доказательствах, я решил вернуться к началу – туда, в то время, где вера уступила место знанию. Или, если точнее, туда, где знание сделалось настолько убедительным, что мы почти перестали нуждаться в вере.

Я не пытаюсь сказать, что наука плоха. Напротив – я искренне восхищаюсь ее достижениями. Но именно потому, что она так убедительна, мы почти не заметили, как перестали задавать вопросы, на которые она не отвечает. Они просто выпали. Стали «ненаучными». А потом – неуместными. А потом – глупыми.

Вот об этом и будет начало книги: о том, как именно это произошло. Как именно наука, которая никогда не претендовала на роль новой религии, вдруг заняла ее место. Не потому что захотела, а потому что мы сами это допустили. Мы дали ей все ключи – от университетов, от медицины, от детских книжек и школьных программ.

А дальше случился эффект вытеснения. Там, где раньше жили «смысл», «душа», «вечность» – появились «нейропаттерны», «эволюционная целесообразность» и «адаптивное поведение».

Первые главы этой книги – не про доказательства и не про опровержения. Они – про то, как мы дошли до нынешней картины мира. Картины, в которой больше нет места для смысла – просто потому, что его некуда вставить.

В какой-то момент я понял, что если я действительно собираюсь пройти этот путь – если я хочу не просто задать вопросы, а попробовать на них ответить – мне придется вступить в разговор с самой наукой. Не с ее популярной оболочкой, не с интернет-дискуссиями и не с научпопом, а с ее сердцем. С тем, что кажется непререкаемым. С физикой.

Это странный выбор. Потому что сам я человек рациональный. Я люблю числа, вероятности, четкие логические конструкции. Мне ближе строгий аргумент, нежели вдохновенный порыв. Я действительно уважаю науку. И особенно – физику. Потому что если есть область знания, где порядок и строгость важнее, чем удобство объяснений, – то это именно физика.

Я понимал, что пока не разберусь с физикой, не могу переходить к тем наукам, которые можно называть «неточными». Мне нужно было, чтобы физика не мешала. Я не искал в ней союзника – я просто хотел сделать ее нейтральной. Но получилось иначе.

Я не собирался спорить с физикой. Это было бы глупо. И неуважительно. Она держит в руках ключи от Вселенной. Но я решил взглянуть на нее под другим углом. Не как на строгую систему, а как на источник удивления. И чем пристальнее я смотрел, тем яснее становилось: физика вовсе не закрывает дверь вере. Она ее приоткрывает. Просто никто не хочет туда заглядывать. Слишком уж непривычный пейзаж.

Квантовая механика, теория поля, темная материя, множественность возможных миров – все это не снимает вопросы, а рождает новые.

И я решил: пусть физика сама расскажет, где ее границы. Без давления и без вмешательства. Я просто буду следовать за ней – от Ньютона к квантовому хаосу, от уравнений к парадоксам. И если в какой-то момент она сама покажет мне, что у нее под ногами – бездна, я просто это зафиксирую.

Вот почему я начал именно с физики. Не чтобы опровергнуть, а чтобы удостовериться: если я снова начну верить – то не вопреки знаниям, а именно благодаря им.

В той части, где речь идет о физике, я опираюсь только на те гипотезы, которые признаны самой наукой. Я не влезаю в эзотерику. Я не выдумываю теорий. Я просто смотрю на то, что уже открыто, и задаю вопрос: «А вы точно понимаете, что вы нашли?» Потому что иногда кажется, что физика, сама того не желая, накопила куда больше, чем хотела. И теперь стоит на краю, не зная, как все это объяснить.

Есть области знания, которые наука снисходительно называет «неточными». Но именно там она почему-то абсолютно уверена, что у нее все под контролем. Там есть статистика, модели, геномы, схемы – и непоколебимая убежденность, что человека можно объяснить, если просто собрать достаточно данных. И вот здесь я вступаю в спор. Уже не как философ-наблюдатель, а как участник. Как человек, который вышел против громоздких, устоявшихся доктрин, вооружившись лишь логикой и здравым смыслом.

Первым предметом пристального анализа станет абиогенез – учение о зарождении жизни из неживого. На словах там все звучит гладко и убедительно: «удачное стечение обстоятельств», «миллиарды лет», «первичный бульон». Но как только я откладываю эти успокаивающие формулы и начинаю анализировать факты, вся эта стройная картина рассыпается в пыль. Вероятность случайного возникновения жизни не просто мала, она логически абсурдна. Она настолько ничтожна, что для ее реализации не хватило бы времени существования не только нашей Вселенной, но и тысячи таких вселенных.

После абиогенеза мы поговорим о теории эволюции. И здесь я хочу быть предельно точным: я не собираюсь оспаривать сам факт изменчивости видов, их адаптации и развития. Это было бы глупо. Я предлагаю посмотреть на этот процесс под другим углом. Ведь теория эволюции вступает в игру, когда жизнь уже есть. Она полностью опирается на абиогенез как на свой фундамент. А если этот фундамент, как показывает трезвый анализ, – логический мираж, то не начинает ли и само величественное здание эволюции выглядеть совершенно иначе?

Дальше – генетика. Именно она сегодня претендует на роль новой Книги Бытия. Нам говорят, что все, что раньше объяснялось замыслом, духом или судьбой, теперь приписывается хромосомам. Рост, характер, интеллект, даже любовь – все это, якобы, лишь реализация программы, записанной последовательностью четырех букв в молекуле ДНК. Это очень удобная и красивая картина. Но здравый смысл задает неудобный вопрос об информации: а сколько ее нужно, чтобы построить человека? Не цвет глаз, а всю анатомическую структуру, вплоть до последней нейронной связи? Всю ту архитектуру, что делает человека – человеком.

И, наконец, нейронаука. Возможно, самая уверенная из всех. Она говорит с твердостью, за которой пока стоит удивительно мало подлинного знания. Я не буду спорить с тем, что мышление связано с активностью нейронов – это очевидно. Нам показывают красивые картинки мозга, где разные участки загораются, как гирлянда на елке. Это все зафиксировано и изучено.

Но считать, что мышление и сознание рождаются именно в этих связях – на мой взгляд, преждевременно. Мы видим корреляцию, но не причину. Мы видим проявление, но не источник. И даже не понимаем, где именно его искать.

Вот с этими догмами – в абиогенезе, теории эволюции, генетике, нейронауке – я и буду работать в этой книге. Моя цель – не разрушение. У меня нет для этого ни сил, ни желания. Моя цель – спор. Спокойный, вежливый, но беспощадный к логическим ошибкам и необоснованным допущениям. Я хочу найти ту черту, где наука, сама того не заметив, превратилась в идеологию. Где она перестала сомневаться и приняла гипотезу за доказанный факт. И главное – где еще не поздно сделать шаг назад. Остановиться, оглядеться. И, может быть, вернуться к вопросам, которые мы слишком рано посчитали закрытыми.

Я могу сказать просто: я сделал все, что мог. И, по крайней мере, я сказал именно то, что хотел сказать. Кто-то, безусловно, не согласится. Кто-то посчитает мои аргументы недостаточными. Скажет, что доказательства неубедительны, логика уязвима, а цифры можно интерпретировать по-другому. Что ж – это нормально. Так и должно быть.

Каждый будет судить сам.

Но если хотя бы небольшая часть тех, кто дочитает эту книгу до конца, вдруг поймет – не просто почувствует, а именно поймет – что жизнь не заканчивается в момент гибели нейронов, что человек не возник случайно, что за формулами, белками, мутациями и теориями все же просвечивает замысел...

Если это случится – если хотя бы один человек, как когда-то и я сам, поверит в это не вопреки знаниям, а через знание, – тогда я смогу считать, что стал самым счастливым на свете.

Часть 1. Потерянный смысл.

Intro

Путь к пониманию начинается с шага назад, в прошлое. Но не в то прошлое, что застыло в датах и именах, а в прошлое нашей собственной души. В то время, когда мир еще не лишился своего волшебства, а человек – своего места в нем. Когда небо не было пустым, а жизнь – случайной.

Многим этот шаг кажется ненужным. Мы живём, захваченные потоком настоящего, настороженно вглядываемся в будущее – и редко оглядываемся. Нам кажется, будто прошлое молчит. Но это иллюзия. Прошлое не молчит – мы просто перестали его слышать. Прошлое – это не ошибка, которую нужно отменить, а основание, на котором нужно строить будущее.

Ибо все ответы, которые мы ищем впереди, и вся опора, которой нам так не хватает сейчас, сокрыты именно там – в той точке, где мы однажды свернули не туда.

Неожиданный союз

С тех пор, как человек впервые поднял голову к небу, в нем живет яркое, неутихающее чувство. Не просто любопытство, как у кота, засунувшего морду в кастрюлю. А что-то гораздо более глубокое: желание понять, откуда все это – день и ночь, молнии, звезды, Луна, этот бесконечный, будто специально для него устроенный звездный спектакль над головой.

Древние не разделяли физику и поэзию. Для них Солнце не было просто шаром из водорода, а Луна – безжизненным отражающим телом. Они чувствовали, что в этих небесных движениях есть ритм, воля, может быть – замысел. И Солнце становилось богом, едущим по небу в сияющей колеснице. Луна – его сестрой, любовницей или богиней, сменяющей день на ночь. А молнии – это не просто электрические разряды, а гнев. Конкретный, личный, направленный. Люди не просто наблюдали за миром. Они разговаривали с ним. Или, по крайней мере, пытались.

В то время наука и вера, познание и почитание шли рядом. Они не воевали. Не спорили о главенстве. Не исключали друг друга из картины мира. Аристотель, систематизировавший античные знания, не видел противоречий между философией, логикой и признанием высшего порядка. Коперник, сместивший Землю с центра Вселенной, не разрушал мир Божий – он пытался постичь его истинную гармонию, спасти от излишних усложнений птолемеевой системы. Даже Ньютон, который дал нам классическую физику, заложившую основы современного естествознания, в перерывах между выводением уравнений всемирного тяготения и законов механики, увлеченно размышлял над библейскими пророчествами и пытался рассчитать дату конца света. Для него не было конфликта. Наука не вытесняла Бога. Она смиренно объясняла, как устроено Его творение.

Наука долгое время и не претендовала на философскую самостоятельность или мировоззренческое господство. Она рождалась и развивалась в лоне религиозного мироощущения. Она как бы говорила: «Смотрите, сколь премудро и изящно устроен этот мир!» И это изящество, эта математическая гармония и стройность физических законов воспринимались не иначе как доказательство божественного порядка и замысла. Бог виделся Великим Инженером, Геометром. Вселенная – Его совершенным механизмом. А учёный – смиренным подмастерьем, которому дозволено благоговейно изучать чертежи Мастера, оставленные на Его рабочем столе.

Именно поэтому ранняя наука не чувствовала себя врагом религии и не стремилась занять ее место. Она не искала конечного смысла бытия – она искала закономерности в явлениях. Она не спорила о природе души – она занималась изучением тела. Смысл, душа, вечность – все это оставалось в ведении Церкви, богословия, философии. А физика, астрономия, медицина трудились на своем этаже, с линейкой, телескопом и скальпелем. Они даже не смотрели в одну сторону в поисках ответов на главные вопросы человеческого духа.

Даже когда наступил просвещенный девятнадцатый век, наука сама по себе не вынашивала планов по свержению престолов. Она не представляла прямой угрозы для религии, смиренно занимаясь своим делом: объясняла мир и творила чудеса. И это не метафора. Нужно понимать, что для человека той эпохи ее деяния были неотличимы от магии. Наука зажигала газ в уличных фонарях, превращая ночь в день; заставляла стальные поезда бежать без лошадей, пожирая пространство; передавала человеческий голос по проводам через города и страны; изобретала антисептики, отнимая у смерти ее привычную добычу.

Да и сегодня, если отбросить привычку, то, что творит наука, остается чистым волшебством. Внутри непрямого смартфона заключена спрессованная магия, дающая доступ ко всем библиотекам мира, картам звездного неба и лицу близкого человека за тысячи километров. Мы просто привыкли к этим чудесам и перестали видеть в них чудо.

Наблюдая за этими чудесами, традиционным религиям следовало бы встревожиться. Увидеть, что в мир пришел новый легион пророков. Облаченные не в рубища, а в белые халаты, они были вооружены не посохами, а логарифмическими линейками и микроскопами. Их слово было подкреплено не откровением, а экспериментом. Их проповедью были не притчи, а доказательства, выведенные в строгих формулах.

Приход любого пророка, даже если он не призывает к бунту, представляет экзистенциальную опасность для старой веры, ибо само его существование доказывает, что монополии на истину больше нет. А этот новый пророк, хоть и не был агрессивен, оказался невероятно эффективным.

И почти в то же самое время, когда он начал свою деятельность, на сцену вышла другая сила. Незримая, но обладающая тектонической мощностью, – это была идея, способная свернуть не просто горы, а сами основы теологического и смыслового порядка.

Прежде чем наука приступила к демонстрации своих чудес, подготовив почву для новой картины мира, в интеллектуальной жизни Европы зародилось движение, которое не было ни религией, ни политической доктриной. Оно было скорее тихой философской прелюдией к грядущим переменам.

Имя ему – гуманизм. В своем первозданном виде, рожденном в университетских залах эпохи Возрождения, гуманизм представлял собой не программу действий, а фундаментальный сдвиг перспективы. Он предлагал сместить фокус с небесного на земное, с божественного на человеческое. В центре этой новой вселенной оказывался не всемогущий Творец, а человек – существо, наделенное разумом, волей к творчеству и врожденным достоинством. Это была смелая, почти дерзкая мысль для мира, где каждый аспект жизни, от рождения до смерти, был пронизан идеей божественного провидения и подчинения высшей воле.

Гуманизм не возник на пустом месте – его корни уходили в глубину веков, в антропоцентризм, мировоззрение, где человек уже считался центром и мерой всех вещей. История антропоцентризма берет начало еще в античной Греции у мыслителей, подобных Аристотелю и получила мощное развитие в эпоху Возрождения. Именно тогда гуманисты, переосмысливая античное наследие, придали идее о превосходстве человека новую силу. Это мировоззрение, эволюционировавшее от древних идей о доминировании человека над миром до представлений о его превосходстве, придало гуманизму силу, сделав его не просто размышлением о достоинстве, а обоснованием человеческого господства.

Противопоставление гуманизма и Церкви было не лобовой атакой, а скорее созданием изящной, но принципиальной альтернативы. Гуманисты не сжигали иконы и не призывали к свержению папского престола. Они занимались другим: переводили Платона, изучали Цицерона, восхищались античной культурой. Они напоминали миру о том, что еще до прихода Христа существовала великая цивилизация, которая ставила во главу угла гармонию, логику и красоту, созданную человеческими руками и разумом. Их «бунт» был тихим. Вместо теоцентризма, где Бог является единственной мерой всех вещей, они предложили антропоцентризм, где такой мерой становится сам человек. Однако у этой новой системы координат была одна фундаментальная слабость: она была элитарной и умозрительной. Гуманизм не предлагал массам ни ритуалов, ни утешения в страдании, ни обещания вечной жизни. Он был интеллектуальной пищей для избранных, но не хлебом насущным для голодных.

Именно поэтому на протяжении десятилетий гуманизм оставался в тени, на периферии общественной жизни. Он жил в трудах философов, в стихах поэтов и на полотнах художников, но не имел ни храмов, ни приходов, ни армии проповедников. У него не было институционального скелета, способного выдержать конкуренцию с монолитной структурой Церкви. Гуманистическая идея была похожа на прекрасный, но бестелесный дух, обитающий в библиотеках и академиях. Ему не хватало плоти и крови, не хватало силы, способной выйти за

пределы узкого круга посвященных и овладеть умами миллионов. Он был красивой теорией о величии человека, но у него не было никаких практических чудес, чтобы подкрепить свои претензии. Мир вокруг продолжал жить по старым законам, обращаясь с молитвами к небу, а не к возможностям человеческого разума.

Для того чтобы эта тихая философская прелюдия превратилась в оглушительную симфонию нового мировоззрения, ей был нужен свой Пророк. Сила, которая смогла бы не просто провозгласить, а наглядно доказать, что человек действительно способен стать хозяином своей судьбы.

Практически любая религия, претендующая на истину, начинает свой путь с демонстрации чуда. Без этого неопровержимого доказательства сверхъестественной силы невозможно убедить людей отказаться от старых богов и принять новых. Моисей должен был раздвинуть воды моря, чтобы повести за собой народ. Христос должен был исцелять больных и воскрешать мертвых, чтобы его проповедь обрела вес. Чудо – это стартовый капитал веры, ее первоначальное, неоспоримое свидетельство. И именно этого капитала не было у гуманизма. Он мог предложить лишь красивые идеи.

Но явился пророк, пришедший из лабораторий и мастерских. Имя ему было – Наука. Его «чудеса» были реальны и осязаемы: паровые машины, электричество, телеграф, новые лекарства. Наука на практике доказала, что человеческий разум – это не просто предмет для гордости, а самый мощный инструмент для преобразования реальности. Произошел судьбоносный союз. Антропоцентризм и гуманизм обрели своего чудотворца, а наука обрела душу – высокую цель: служение человеку и построение лучшего мира его собственными силами.

Как это часто бывает, дорога, вымощенная самыми благими намерениями, привела вовсе не в рай просвещения и гармонии. Изначальный союз науки, антропоцентризма и гуманизма был искренне идеалистичен. Одни искали истину в беспристрастных фактах, другие – достоинство в свободе человеческого духа. Вместе они мечтали освободить человечество от оков суеверий, болезней и невежества. Но власть, даже власть интеллектуальная, обладает свойством опьянять. И этот благородный альянс не стал исключением. Довольно быстро, ощутив свою растущую силу, все три стороны словно заглянули в зеркало своей исторической памяти.

Гуманизм, веками бывший скромной философией для избранных, вдруг почувствовал в себе кровь и плоть новой веры. Вооруженный неопровержимыми чудесами науки и укрепленный антропоцентрической иерархией доминирования, он осознал, что может не просто быть советником при троне, но и сам занять этот трон. Он увидел возможность стать полноценной религией – религией Человека, – способной дать ответы на все вопросы и повести за собой миллионы.

В то же время наука, оглянувшись на свое прошлое, вспомнила все: унижение Галилея, костер Джордано Бруно, века презрительного недоверия и гонений со стороны Церкви. С высоты нового положения эти события виделись уже не трагическими эпизодами, а счетом, который наконец-то можно предъявить к оплате. Прежний страх сменился холодной решимостью. Так всегда бывает: новая сила приходит, декларируя свободу и благо, но в итоге одна власть просто сменяется другой.

Переломный момент наступил во второй половине XIX века. Хотя почва готовилась десятилетиями трудами физиков, рисовавших картину безразличной, самодостаточной Вселенной, громом среди ясного неба стала теория Чарльза Дарвина. Именно он, возможно, сам того до конца не осознавая, нанес старой картине мира удар, от которого она уже не смогла оправиться. «Происхождение видов», опубликованное в 1859 году, было не просто еще одной научной гипотезой. Это был альтернативный «Ветхий Завет» – полная, детальная и исключительно материалистическая история сотворения жизни, не требующая ни Божественного замысла, ни акта творения. Дарвин вручил антропоцентризму и гуманизму их собственную Книгу Бытия.

Он низвел человека со статуса падшего ангела до положения возвысившейся обезьяны. Конфликт перестал быть отвлеченным. Он вошел в каждый дом, в каждую школу, в каждое сознание.

Именно в этот момент, в конце XIX века, стало окончательно ясно: союз антропоцентризма и гуманизма, получивших свое «священное писание», и науки, получившей статус творца чудес, официально сделал заявку на то, чтобы стать новой, доминирующей религией просвещенного мира. Это не было объявлено с церковных кафедр. Это был тихий переворот, происходивший в университетских аудиториях, редакциях журналов и лабораториях. Новая вера начала переписывать учебники, определять, что является знанием, а что – предрассудком, что – реальностью, а что – мифом. Она не сражалась со старыми богами в открытом бою. Она просто методично выносила их из всех сфер, где принимаются важные решения, оставляя им лишь небольшое, строго очерченное гетто культурной традиции. И, глядя из нашего времени на мир, который этот союз построил, можно с уверенностью сказать: у них получилось. Заявка была не просто подана – она была удовлетворена.

Новая религия

Этот плодотворный союз породил нечто большее, чем просто «научный гуманизм». Он породил полноценную новую религию. Называть её по-прежнему гуманизмом было бы неточно. В русском языке слово «гуманизм» несёт в себе мягкий, почти сентиментальный оттенок, вызывая ассоциации с гуманностью, состраданием и добротой. Новая же вера была куда более амбициозной и жёсткой в своих претензиях. Она не просто ставила человека в центр – она возводила его на пьедестал, ранее занимаемый исключительно Богом.

Также было бы неверно называть это антропоцентризмом, потому что сам по себе антропоцентризм не отрицает Бога – он либо безразличен к его присутствию, либо даже опирается на него, как в христианстве, где человек видится как венец божественного творения, наделённый властью над миром. Для антропоцентризма самое главное – что человек является центром мироздания и мерой всех вещей, а всё остальное (природа, животные, ресурсы) оценивается исключительно через призму человеческих нужд и ценностей, без обязательного исключения высших сил.

Поэтому, чтобы называть вещи своими именами, давайте введём иной термин – гомотеизм. Слово, составленное из латинского homo (человек) и греческого theos (бог), дословно означает «человекобожие». Основа гомотеизма – гуманизм, как вера в человека как в высшую силу во Вселенной, в его разум как в абсолютный инструмент познания и в его благополучие как в конечную цель бытия. Эта первичная аксиома звучит так: «Человек есть высшая ценность и мера всех вещей». Её невозможно доказать или опровергнуть научным методом; это мировоззренческий выбор, акт веры.

Акт веры – это основа любой религии. Это её центральное ядро. Но этого недостаточно. Любая религия, стремящаяся к стабильности и влиянию, неизбежно кодифицирует свою веру в систему догматов – незыблемых постулатов, которые принимаются как истина и не подлежат сомнению. Они образуют скелет вероучения, определяя, что значит быть верующим.

Гомотеизм, несмотря на свою научную риторику, не стал исключением. Для того чтобы его вера в Человека была не просто эмоцией, а стройной мировоззренческой системой, он сформировал собственный канон – своего рода «минимальный джентльменский набор» догматических утверждений.

Первый, основополагающий догмат новой веры – физикализм. Это фундаментальное метафизическое утверждение о том, что вся существующая реальность либо является физической, либо полностью от неё зависит и ею определяется. Всё существующее познаваемо. Однако для ясности и простоты в дальнейшем изложении мы будем преимущественно использовать более старый и интуитивно понятный термин – материализм.

Строго говоря, между этими понятиями если и есть разница, то довольно небольшая. Физикализм – это более современная и широкая концепция, которая возникла в XX веке, чтобы учесть открытия новой физики. Она включает в себя не только «материю» в классическом понимании (атомы и вещество), но и всё, что фундаментальная физика считает реальным: энергию, поля, квантовые состояния, само пространство-время. Материализм же, в своём историческом значении, говорит более узко – о первичности именно материи. Мы сознательно идём на это небольшое упрощение и некоторое снижение философской точности ради увеличения понятности. Слово «материализм» несёт в себе ясный и недвусмысленный посыл, понятный без дополнительных разъяснений: духовного мира не существует, есть только материя в разных её проявлениях.

На догмате материализма следует остановиться подробнее. На первый взгляд может показаться, что именно он и является главной, самодостаточной опорой и сам может быть новой

верой. В самом деле, если вся реальность – это лишь материя, то для богов, духов и высших смыслов просто не остаётся места. Кажется, что материализм – это исчерпывающее мировоззрение, не требующее никаких дополнений. Разве не является гуманизм, с его провозглашением человека высшей ценностью, лишь необязательным, сентиментальным придатком к этой строгой и всеобъемлющей доктрине? Давайте разберёмся в этом хитросплетении.

Дело в том, что материализм и гомотеизм нуждаются друг в друге, но их отношения не равноправны. Чтобы понять это, зададимся вопросом: может ли материализм существовать без гомотеизма? Теоретически, материалист мог бы заявить: «Всё есть материя, и человек – не более чем случайный продукт её развития, такая же часть природы, как амёба или обезьяна. Никакого особого статуса у него нет». Однако такое утверждение было бы лукавством. Сама по себе посылка «существует только то, что познаваемо» немедленно порождает следующий вопрос: «А кто является познающим? Кто тот судья, который выносит вердикт о том, что познаваемо, а что нет?». И ответ может быть только один: Человек.

Именно человек, с его разумом, его математическим аппаратом и его приборами, становится единственной мерой всех вещей. Декларируя материализм, человек, по сути, говорит: «Реально только то, что я могу измерить, постичь и проверить». Таким образом, сам акт провозглашения материализма является актом высшего гуманизма. Он неявно, но абсолютно точно ставит человека в эпистемологический центр Вселенной, делая его единственным источником и арбитром истины. Без человека, который бы его сформулировал и провозгласил, тезис о материализме – это просто бессмысленное сотрясение воздуха в пустой Вселенной. Материализм не может существовать без веры в человека, потому что ему нужен тот, кто наделит его статусом истины.

А может ли гомотеизм существовать без строгого материализма? Представим, что завтра физика придёт к выводу о существовании принципиально непознаваемых нами измерений. Например, такие идеи, как теория бран, являются вполне уважаемыми в академической среде. Если будет признано, что мы заперты в своём пространстве и никогда не сможем изучить то, что находится вовне, это нанесёт удар по всемогуществу материализма. Но гомотеизму это не повредит. Вера в то, что человек является высшей ценностью и хозяином в своём мире, от этого не пострадает. Гомотеизм достаточно гибок, чтобы существовать даже в таинственной и не до конца познаваемой Вселенной.

Для гомотеизма важна гарантия того, что над Человеком не существует никакой высшей инстанции. Неважно, как её называть – Бог, разумная вселенная или законы кармы. Важно одно: её не должно быть, потому что любое её допущение немедленно лишает Человека статуса высшей ценности и конечной меры всех вещей.

Обратите внимание на то, как этот непреложный закон проявляется в отношении к возможному существованию инопланетной жизни. Гомотеизм вполне допускает такой сценарий, называя инопланетян «братьями по разуму». То есть равными, идущими параллельным путём, пусть даже ушедшими вперёд технологически. Но кем они ни в коем случае не могут быть – так это нашими «отцами».

Потому что само понятие «отец» подразумевает иерархию, первородство и, что самое невыносимое для этой веры, – возможность того, что мы являемся не самоцелью мироздания, а чьим-то творением, экспериментом или второстепенным продуктом. Вселенная может быть населена равными, но она не должна иметь создателя.

Какова же тогда роль материализма? Догмат материализма является тем идеологическим фильтром, который «очищает» реальность от всего, что нельзя измерить. Душа, дух, нематериальный разум, высший замысел – всё это объявляется продуктом невежества, архаичными понятиями, не имеющими места в рациональной картине мира. Он устанавливает жёсткие границы дозволенного: истинно лишь то, что можно измерить и описать физическим уравнением. Всё остальное – не более чем субъективная иллюзия, игра воображения. Материализм – это

та аксиома, которая делает Бога или иную непознаваемую сущность не просто ненужным, а онтологически невозможным.

На этой расчищенной площадке возводится второй догмат – абиогенез. Важно понимать: здесь речь идёт не о научной гипотезе о происхождении жизни, а именно о догматическом утверждении. Оно гласит: жизнь возникла из неживой материи в результате случайных химических реакций. Для гомотеизма это не предмет для дискуссий, а абсолютная необходимость. Ведь если допустить, что жизнь не могла зародиться сама по себе, то вся постройка рухнет. Пришлось бы признать существование некоего внешнего «Творца» или нематериального «жизненного принципа», что является прямым отрицанием центральной аксиомы гомотеизма: веры в абсолютный суверенитет человека. Поэтому абиогенез принимается априори, как само собой разумеющееся событие, для которого лишь предстоит найти конкретный механизм.

Третьим столпом канона выступает эволюция через естественный отбор. Суть догмата не в самом факте изменчивости видов, а в утверждении, что слепой и неуправляемый естественный отбор является единственным механизмом, создавшим всё поразительное многообразие и сложность жизни на Земле. Этот догмат полностью исключает из биологии любое понятие цели, плана или замысла. Жизнь – это не направленный процесс, а череда случайных мутаций и безжалостной борьбы за выживание. Бабочка, глаз человека, мозг – всё это не результат проектирования, а лишь побочный продукт случайности, умноженной на огромное время. Эти три догмата вместе – физикализм, абиогенез и эволюция – создают законченную, внутренне непротиворечивую историю сотворения мира, которая стала священным писанием новой религии Человека.

Создав величественную и законченную историю происхождения Вселенной и жизни, гомотеизм столкнулся со своим последним и самым сложным вызовом: необходимостью объяснить природу собственного божества – самого человека. Ранний канон описывал, откуда произошёл человек, но не давал исчерпывающего ответа на вопрос, что он есть. Что такое сознание? Что такое личность, свобода воли, мысль? Чтобы зафиксировать свою картину мира, гомотеизм должен был расширить свой догматический аппарат. С развитием биологии, генетики и нейронаук во второй половине XX века были сформулированы два новых, чрезвычайно важных догмата, которые завершили построение материалистической антропологии.

Первый из них – догмат морфогенеза. Сам термин взят непосредственно из биологии (от греческих морфе – «форма», и генезис – «происхождение») и обозначает научную дисциплину, изучающую, как организм развивает свою форму. Однако в религии гомотеизма эта область знания превратилась в догмат – в непоколебимое утверждение о том, что вся информация о строении организма, его функциях и даже моделях поведения фундаментально и исчерпывающе закодирована в последовательности нуклеотидов ДНК. Генетический код рассматривается как полный и самоисполняемый чертёж. Согласно этому канону, человек предстаёт как результат предначертанной генетической программы, где талант, характер и интеллект – лишь конечная реализация того, что было записано при зачатии.

Второй, ещё более важный догмат, вторгается в область, лежащую на стыке нейробиологии и философии, и пытается дать ответ на вопрос о происхождении нашего разума. Суть этого догмата проста: всё, что мы привыкли называть своим внутренним миром – сознание, эмоции, мысли, воспоминания и даже самое сокровенное чувство собственного «Я» – является исключительно продуктом сложных материальных процессов в головном мозге. Не существует никакой души, никакого нематериального «наблюдателя». Есть только материя – триллионы синаптических связей и электрохимических импульсов. Этот догмат выполняет важнейшую идеологическую функцию: он захватывает последнюю территорию, которая исторически оставалась за философией и религией, – внутренний мир человека. Личность низводится до уровня сложнейшего биологического компьютера, свобода воли объявляется иллюзией, а любовь и

вдохновение – лишь специфическими химическими реакциями. Принятие этого догмата превращает человека из тайны в полностью познаваемый объект.

Эти два более поздних догмата работают в связке. Один сводит наш дух к мозгу, второй – мозг к генетическому коду. Вместе они формируют железное кольцо материалистического объяснения, внутри которого для тайны человеческой личности просто не остаётся места. Так завершился канон гомотеизма: теперь не только мир и жизнь, но и сам человек был полностью объяснён.

Давайте сразу разберём самое очевидное и, на первый взгляд, сокрушительное возражение, которое непременно последует от любого защитника современного научного мировоззрения. Оно прозвучит примерно так: «Вы совершаете фундаментальную ошибку. У науки нет и не может быть догматов. То, что вы перечислили – материализм, абиогенез, дарвиновская эволюция – это не символы веры, а всего лишь лучшие на сегодняшний день научные теории. В самой природе науки, в её этическом кодексе заложена готовность к пересмотру. Этот принцип, известный как критерий фальсифицируемости, и есть то, что отличает науку от религии. Как только появится новая, более убедительная и подтверждённая фактами теория, она без сожаления сменит старую. В этом наша сила и наше главное достоинство».

Этот аргумент выглядит безупречным. Но он описывает не реальную науку, а её идеализированный, официальный миф. Давайте же отделим эту красивую декларацию от того, как научное знание функционирует на практике, в реальной жизни. Для этого обратимся к анализу, проделанному крупнейшим историком и философом науки XX века Томасом Куном. Он показал, что зрелая наука в любой момент времени существует не как набор разрозненных гипотез, а в рамках целостной, доминирующей научной парадигмы.

Парадигма – это не просто теория. Это вся система негласных убеждений, ценностей, методов и фундаментальных аксиом, которую научное сообщество принимает как данность. Это тот «здоровый смысл», внутри которого и ведутся все исследования. И те постулаты, что мы перечислили – вера в материальность мира, в случайное зарождение жизни и в слепую эволюцию – являются не рядовыми теориями внутри текущей парадигмы. Они и есть эта парадигма. Это её несущая конструкция, её фундамент. Работа «нормальной науки», как показал Кун, заключается не в том, чтобы подвергать сомнению фундамент, а в том, чтобы решать головоломки внутри уже построенного здания.

Именно поэтому, когда отдельный учёный, даже с безупречной репутацией, осмеливается поставить под сомнение не детали, а саму суть одного из этих канонов, он перестаёт восприниматься как коллега с оригинальной гипотезой. Он становится ренегатом, нарушителем правил игры. Его деятельность – это уже не «нормальная наука», а посягательство на основы, которые дают смысл работе всех остальных. И система инстинктивно защищается. Его ждёт не конструктивная дискуссия, а системное отторжение, которое выражается в ярлыках «чужак», «маргинал» или, в лучшем случае, «философ». Его исследования назовут «спеуляциями», ему станет практически невозможно получить финансирование и опубликовать свои работы в авторитетных журналах. Этот механизм социального и институционального давления – самый эффективный способ защиты догматов.

Да, в истории религий догматы тоже менялись, особенно на ранних стадиях их развития. Но давайте зададим себе вопрос: был ли за последние сто с лишним лет – на такой же «ранней» стадии развития гомотеизма – серьёзно пересмотрен хоть один из его фундаментальных канонов? Ответ – однозначное «нет». Они лишь укреплялись и бетонировались. Теоретическая возможность изменений остаётся лишь красивой декларацией для внешнего мира. На деле же система, на словах провозглашая гибкость, жёстко и эффективно защищает свой незыблемый канон, потому что инстинктивно понимает: обрушение любого из этих столпов приведёт к коллапсу всего её мировоззрения.

Исчезновение смысла

Следующим возражением может стать вполне резонный вопрос: «А в чём, собственно, проблема? Пусть даже существует этот ваш гомотеизм – что в нём плохого? Он прекрасно сосуществует с другими религиями, а польза, которую приносит научный прогресс, многократно перевешивает любой гипотетический вред».

Это сильное возражение, и его нельзя игнорировать.

Едва ли есть необходимость подробно обсуждать, что дала нам наука. Это общеизвестно и прекрасно работает в нашей повседневной жизни. Перечень её достижений – от GPS-навигаторов и томографов до интернета, вакцин и атомных электростанций – можно продолжать до бесконечности. Всё это ни в коей мере не оспаривается. Наука как метод снабдила нас мощными инструментами, увеличила комфорт, расширила наши физические возможности и ощутимо удлинила среднюю продолжительность жизни. Это неоспоримый факт.

Но сейчас гораздо интереснее исследовать другую сторону медали – то, что гомотеизм, действуя от имени науки, у нас забрал. Хотя, пожалуй, слово «забрал» здесь не совсем точно. Никто не отнимал насильно. Мы отдали сами – постепенно, почти незаметно, в обмен на вышеупомянутые блага и иллюзию полного контроля над реальностью.

Начать этот непростой разговор, наверное, стоит с самого главного – с того, что раньше определялось как смысл жизни, а иногда, более возвышенно, как предназначение. Мы будем стараться не злоупотреблять последним словом, вынесенным в название книги, чтобы не обесценить его частотой употребления. Поэтому далее мы будем говорить преимущественно о смысле жизни – именно так, как этот вопрос обычно и формулируется в душе каждого человека.

Что же такое смысл жизни, и так ли он нам необходим? Почему, даже достигая успеха в карьере, создавая семью, растя детей, путешествуя по миру и наслаждаясь чашкой утреннего кофе, мы всё равно порой ощущаем глубинное «что-то не так»? Почему это смутное чувство беспокойства не только не уходит с возрастом, но зачастую лишь усиливается, приводя даже внешне успешных и благополучных людей к ощущению внутренней пустоты? Что именно мы утратили в тот момент, когда поверили, что всё в этом мире можно объяснить без остатка, сведя к материальным причинам?

Едва ли найдётся человек, который хотя бы раз в жизни, в тот или иной момент, не задавался вопросом о смысле своего существования. Но приходила ли вам когда-нибудь в голову мысль, что всего каких-то 150–200 лет назад для большинства здравомыслящих людей такой вопрос в его нынешней остроте, как правило, не стоял? Он просто не мог возникнуть в той форме, в какой он терзает современного человека. Почему? Потому что на такие вопросы исчерпывающие ответы давала религия. И это были не просто абстрактные философские построения – это были ответы, глубоко прожитые, принятые всем существом, органично встроенные в саму ткань повседневной жизни. Они не столько обсуждались, сколько воспринимались как очевидность, как воздух, которым дышат. А вера подкрепляла эту очевидность, придавая ей статус незыблемой истины.

Смысл жизни не был тогда предметом мучительного индивидуального выбора или персонального «изобретения». Он был неотъемлемой частью общего миропорядка, частью общины, веры, традиции. Он был задан свыше, дан человеку как путеводная звезда. Его не искали – его принимали и ему следовали. И не потому, что люди были глупее или менее развиты, чем мы. А потому, что этот смысл не был искусственно отделён от самого устройства реальности, от понимания человеком своего места во Вселенной. Ответ давала религия, а вера делала этот ответ живым и действенным, расставляя всё по своим местам.

Христианство говорило: ты живёшь, чтобы спасти свою душу и обрести вечную жизнь. Буддизм предлагал иной путь: ты живёшь, чтобы пробудиться, вырваться из круговорота страданий и достигнуть нирваны. Иудаизм учил: ты – часть Завета, и твоя жизнь – это осознанный путь служения. Индуизм предлагал свою сложную систему дхармы и целей жизни. Каждая религия предлагала свой уникальный ответ, но главное – этот ответ был. И он был внешним по отношению к отдельному человеку, надличным, превосходящим его частную волю. Он был опорой, фундаментом.

А потом, как мы уже говорили, пришёл гомотеизм – мир, построенный на принципах науки, мир, где догматический материализм стал доминирующей философией. И этот новый мир постепенно, но неуклонно занял то место, которое прежде принадлежало религии. Школа начала вытеснять церковь в вопросах формирования мировоззрения. Университет стал главным центром знания. Врач во многих ситуациях заменил священника, а научный учебник – священные тексты. Рациональное мышление было провозглашено единственно верным способом познания, а вера была отнесена к сфере иррационального, субъективного, если не сказать – иллюзорного.

И на этом своём новом, самовольно занятом месте верховного авторитета гомотеизм повёл себя «честно» – в том смысле, что не стал ничего обещать из того, что не мог гарантировать в рамках своей материалистической парадигмы. Он не предложил ни Царствия Небесного, ни нирваны, ни вечной жизни души. Его ответ человечеству можно сформулировать так: с точки зрения строгого материализма, вопрос о смысле жизни некорректен и выходит за рамки научной компетенции; сначала требуется дать измеряемое определение «смысла», и лишь затем можно будет что-то сказать по этому поводу. А пока – следует заниматься своими делами, удовлетворять свои потребности, размножаться и не задавать метафизических вопросов, на которые нет научных ответов.

Гомотеизм, опирающийся на догмат материализма, не то, чтобы целенаправленно отнял у человека смысл жизни. Он просто не дал ему нового взамен того, что отбросил как ненужный хлам. Он выдернул человека из той системы координат, где была цель, где было «вертикальное измерение», и не предложил ничего, кроме «горизонтального» существования в мире причин и следствий. На месте прежней смысловой опоры образовалась экзистенциальная пустота, которую теперь каждый должен был заполнять самостоятельно, как умеет.

С этого момента начался мучительный поиск. Человек начал беспокоиться, рефлексировать, пытаться собрать новый смысл по кусочкам – из работы, из любви, из семьи, из творчества, из чего угодно. Но каждый из этих «самодельных» смыслов оказывался хрупким, временным, зависимым от обстоятельств. Такой смысл не выдерживал серьёзных жизненных ударов, он не давал опоры в старости или перед лицом смерти. И рано или поздно наступал момент, когда человек, оставшись наедине с собой, снова задавал тот самый проклятый вопрос о смысле всего – но теперь уже по-настоящему не знал, кому его адресовать.

Вот это мы и потеряли в первую очередь. Мы потеряли готовый ответ на вопрос о смысле жизни. Потеряли ощущение смысла, который больше нас самих. Потеряли чувство принадлежности к структуре, в которой мы были не центром мироздания, а лишь его важной частью.

Когда внешний, трансцендентный смысл исчез из общепринятой картины мира, люди, не в силах выносить образовавшуюся пустоту, начали конструировать себе смыслы сами. Иногда это происходило вполне осознанно, иногда – интуитивно. В этом поиске помогали философы, психологи, искусство. Но одно оставалось неизменным: почти каждый мыслящий человек так или иначе был вынужден заниматься этим «смыслостроительством». Потому что без какого-либо смысла, пусть даже иллюзорного, жить чрезвычайно сложно.

Наука в этом индивидуальном поиске смысла помогала мало. Более того, как ни парадоксально, она нередко мешала, подсовывая вместо живого ощущения смысла суррогатные

«системы» и «модели». Многие помнят, как ещё в юности, когда их впервые по-настоящему захватывали вопросы «Зачем я живу? Чего хочу от этой жизни? К чему стремиться?», ответа не находилось. И в какой-то момент поиски прекращались из-за отчаяния.

Вместо экзистенциального ответа предлагались психологические «конструкты». Это называли «психологией развития личности» или «теорией мотивации» – например, знаменитой пирамидой Маслоу. Объясняли, что объективного смысла жизни не существует: есть лишь иерархия потребностей, которые надо удовлетворять по порядку – сначала физиологические (еда, сон, безопасность), затем потребность в принадлежности и любви, потом в уважении и признании. На вершине же – самореализация, которую иногда толкуют как «желание быть великим».

Звучит убедительно: простая и стройная модель человеческого поведения. Но стоит задуматься, что именно означает «быть великим». В каком масштабе измерять это величие – семьи, города, страны? Допустим, вас узнаёт половина планеты, о вас пишут книги и снимают фильмы. Но что это меняет в конечном счёте? В масштабах галактики любая человеческая биография – пылинка; в масштабах наблюдаемой Вселенной – ничто. Математически: на фоне бесконечности любое конечное число стремится к нулю. И чем яснее это осознание, тем сильнее внутренний протест: такая картина категорически не устраивает, но в рамках «сугубо научного» мышления будто бы и возразить нечем.

Лишь позднее приходит понимание: вопрос о значимости человеческих дел неразрешим изнутри, пока материальная картина мира принимается как единственно возможная. Единственное, что способно придать конечной величине – человеческой жизни, подвигу, творчеству – ненулевое, абсолютное значение, – это наличие внешнего, трансцендентного смысла, иной системы отсчёта. Как только сверх этого мира появляется нечто, для чего он важен, возникает перспектива, в которой даже малые дела обретают подлинную величину. Внешний смысл освещает внутреннее «величие», тогда как сделанный «вручную» смысл всегда условен, временен и подвержен инфляции перед лицом безмолвной вечности.

Именно этот внешний смысл у нас и отняли. Взамен мы получили кажущуюся свободу самим задавать цели и ценности. Но вместе с ней пришла экзистенциальная пустота, головокружение от безопорности. Свобода без фундаментальной опоры вовне – это не просветление, а дезориентация и потерянности.

А главное – мы даже не сразу поняли, как и когда это произошло. Потеря была постепенной, как медленное выцветание старой фотографии.

Замки на песке

Когда человек остаётся один на один с вопросом «зачем жить?», и ему никто не предлагает авторитетного ответа извне, он, как уже было сказано, начинает искать или конструировать этот ответ сам, внутри себя. Оставшись в экзистенциальной пустоте после «смерти Бога» и крушения великих метафизических систем, современный человек отправляется в мучительный квест по созданию персонального смысла. Он пытается извлечь его из того, что ему доступно: из семьи и детей, из достижений, из саморазвития, из творчества, из любви, из служения другим, из общественного признания.

Но если присмотреться внимательнее, почти все эти версии «внутреннего» смысла, если они не опираются на нечто большее, чем сам человек, рано или поздно сводятся к одному и тому же: к удовлетворению собственных потребностей, желаний и амбиций. Они вращаются вокруг «Я», как планеты вокруг своего единственного солнца. Давайте рассмотрим самые популярные из этих самодельных конструкций и посмотрим, насколько они прочны.

Прежде всего, необходимо сказать о самом сильном, самом естественном и, для большинства людей, самом очевидном ответе на вопрос о смысле жизни. Конечно же, речь идёт о семье. И здесь крайне важно сделать оговорку: последующий анализ ни в коем случае не является критикой или обесцениванием семьи как таковой. Семья, любовь, забота о близких, воспитание детей – это, возможно, самое прекрасное, важное и настоящее, что есть в человеческой жизни. Этот разговор – не о социальной ценности семьи, а исключительно о её способности или неспособности быть окончательным, фундаментальным ответом на экзистенциальный вопрос о смысле бытия.

Когда внешний, трансцендентный смысл исчез, человек инстинктивно ухватился за самое дорогое и реальное, что у него было – за своих близких. На руинах великих метафизических систем была возведена последняя и самая уютная крепость, в которой современный человек пытается укрыться от ледяного ветра бессмысленности. Имя этой крепости – семья. На первый взгляд, этот бастион кажется неприступным. В чём его сила?

Во-первых, он апеллирует к нашей самой глубокой, самой древней биологической программе. Продолжение рода, передача своих генов в будущее – это фундаментальный инстинкт, дающий ощущение правильности, естественности происходящего. Мы делаем то, что «должны». Во-вторых, семья даёт человеку то, в чём он отчаянно нуждается, – безусловную любовь и чувство принадлежности, спасая от тотального одиночества. В-третьих, семья предлагает очень понятную форму «горизонтального бессмертия» – идею о том, что ты продолжишься в своих детях и внуках. Наконец, семья даёт жизни конкретную, повседневную, практическую цель, заполняя время и мысли потоком ясных и неотложных задач.

И всё же, при всей своей святости и неоспоримой ценности, может ли семья быть окончательным ответом на вопрос о смысле? Способна ли она стать той самой скалой, на которой можно построить весь замок своего бытия? Увы, при более глубоком и честном рассмотрении становится очевидна трагическая хрупкость этого последнего бастиона.

Первая и самая очевидная уязвимость этого смысла – его зависимость от внешних обстоятельств. Семейное счастье – это прекрасный, но хрупкий хрустальный сосуд. Он может разбиться в любой момент. Дети вырастают и уходят, любовь может угаснуть, близкие болеют и умирают. Случайная трагедия может в один миг отнять тех, в ком была заключена вся ваша жизнь. И что тогда? Если весь смысл вашего существования был сосредоточен в них, то что остаётся вам? Пустота. Чёрная дыра на месте смысла. Жизнь, которая раньше была наполнена до краёв, вдруг оказывается бессодержательной и ненужной. Персональный смысл, будучи конечным, исчерпывает себя.

Но есть и более тонкая, внутренняя проблема. Даже самая искренняя любовь к семье, если она не имеет внешней опоры, рискует незаметно превратиться в ещё одну форму служения собственному «Я». Смысл здесь черпается не из самого факта существования близких, а из той роли, которую мы играем по отношению к ним.

Человек находит удовлетворение не в семье как таковой, а в своём статусе в ней: «Я – хороший муж», «Я – заботливая жена», «Я – прекрасная мать», «Я – достойный отец». С самого детства нас учат быть «хорошим ребёнком», и эта модель переносится во взрослую жизнь. Смысл существования сводится к успешному исполнению предписанной социальной роли. Семья становится сценой, а её члены – и зрителями, и зеркалами, в которых мы ищем подтверждение своей «хорошести».

И тогда вся драма жизни разворачивается вокруг этого перформанса. Главная цель – не счастье другого как самоценность, а получение внутреннего удовлетворения от идеально сыгранной роли. «Я всё для них делаю», «Я пожертвовал(а) всем ради семьи» – в этих фразах, часто произносимых с искренней убеждённой, за благородным фасадом скрывается глубокая трагедия. «Они» становятся функцией от моего «Я», инструментом для моего самоутверждения. Их успехи – это мои успехи. Их благодарность – это плата за мои усилия. Их любовь – это подтверждение моей ценности. Истинным объектом любви и заботы становится не другой человек, а собственное отражение в его глазах, собственный идеализированный образ «правильного» семьянина. Это очень комфортная и социально одобряемая форма эгоцентризма.

И наконец, самая глубокая, философская проблема. Допустим, смысл жизни человека – в его детях. Хорошо. А в чём смысл их жизни? По этой же логике – в их детях. А смысл жизни внуков – в правнуках. И так далее. Возникает своего рода «пирамида смыслов», где каждый этаж опирается на следующий. Это цепь, где каждое звено находит своё оправдание в последующем. Но на чём держится вся цепь целиком? У неё нет точки опоры. Это «горизонтальный» смысл, который никогда не обретает «вертикального», трансцендентного измерения. В конечном итоге, вся эта цепочка упирается в ту же самую стену небытия.

Таким образом, семья – это не сам Смысл. Но это, возможно, лучшая школа, где мы можем научиться ему служить. Но для этого необходимо, чтобы сам этот горизонт существования Смысла был. Без этой внешней, надличностной системы отсчёта даже самая крепкая и любящая семья рискует остаться лишь прекрасным и трогательным «замком на песке».

Другая утончённая версия внутреннего смысла – достижение как смысл. Здесь фокус смещается на успех, статус, карьеру, богатство, власть. Человек находит смысл в том, чтобы быть лучше других, доказывать свою значимость, взбираться по социальной лестнице. Это мощный двигатель, заставляющий людей совершать невероятные усилия, строить бизнес-империи, делать научные открытия, создавать произведения искусства. Но и этот смысл оказывается трагически хрупким. Он полностью зависит от внешних обстоятельств и оценок. Карьера может рухнуть, богатство – исчезнуть, успех – оказаться временным. А что происходит, когда главная цель достигнута? Очень часто – опустошение. Человек, положивший всю жизнь на то, чтобы взобраться на вершину горы, обнаруживает, что на вершине холодно, одиноко и нет ничего, кроме усталости. Кроме того, этот смысл полностью обесценивается с приходом старости или болезни, когда человек теряет способность конкурировать и достигать.

Наконец, самая благородная и уважаемая форма внутреннего смысла – смысл как служение другим. Помощь ближнему, альтруизм, борьба за справедливость, стремление сделать мир лучше. Кажется, что здесь-то мы наконец выходим за пределы своего «Я». Но так ли это, если нет внешней, надличностной системы ценностей? Без опоры на трансцендентное, даже служение другим может превратиться в изощрённую форму эгоцентризма. Человек помогает не столько потому, что «другой» имеет самоценность в глазах Бога или Вселенной, сколько потому, что это помогает ему самому чувствовать себя хорошим, нужным, значимым. Другие

люди и даже всё «человечество» становятся инструментом для его собственной самореализации. И когда другие не проявляют должной благодарности или когда результаты служения оказываются не такими впечатляющими, как хотелось, наступает горькое разочарование и выгорание.

Вся эта пирамида смыслов, построенная без опоры на внешний, надличностный фундамент, в конечном итоге замыкается на самом человеке, на его «Я».

Эта логика глубоко проникла в современные гуманитарные науки. Те же психологические модели, о которых упоминалось, вроде пирамиды Маслоу, прямо или косвенно утверждают: никакого объективного, заранее данного смысла жизни нет. Есть лишь иерархия человеческих потребностей, и по мере их последовательного удовлетворения человек «продвигается» к вершине – к так называемой самоактуализации. Но сама структура этой пирамиды недвусмысленно указывает на то, что конечной целью и высшей ценностью является сам человек, его индивидуальное развитие и благополучие. Всё остальное – мир, другие люди, общество – рассматривается преимущественно как средства или условия для достижения этой цели.

Философия эту мысль не только с готовностью приняла, но и во многом возвела в норму, в своего рода интеллектуальный мейнстрим. Сначала «умер Бог» – у Ницше. Затем, как следствие, умер и предустановленный свыше смысл. Экзистенциалисты, такие как Жан-Поль Сартр, провозгласили, что «существование предшествует сущности»: человек сначала появляется в мире и лишь затем, своими поступками, определяет, кем он является. Он «осуждён быть свободным», и эта свобода – тяжёлое бремя, потому что он должен «создать себя заново», вылепить свой смысл из ничего. И этот человек, оказавшись перед лицом экзистенциальной пустоты, не нашёл ничего лучшего (или не смог найти, будучи лишён прежних ориентиров), чем наделить самого себя абсолютной значимостью, стать самому для себя богом и смыслом.

Хочешь – живи ради искусства и красоты. Хочешь – ради власти и силы. Хочешь – ради свободы и бунта. Хочешь – ради служения человечеству. Главное – сам решай, сам выбирай, сам неси ответственность за свой выбор.

Эта формула звучит очень привлекательно, как гимн свободе и человеческому достоинству. Но в реальности, если она не уравновешена чем-то большим, она слишком часто ведёт не к подлинному расцвету личности, а к утончённому эгоцентризму. Потому что если единственный критерий истины, смысла и ценности – это ты сам, твоё «Я», твои желания, твои цели, твоё самоощущение, то всё, что ты называешь смыслом, неизбежно будет вращаться вокруг этого «Я», даже если оно будет красиво оформлено в высокие слова о самореализации.

Фридрих Ницше в этом смысле был не просто ярким философом, а настоящим пророком новой эпохи – эпохи «смерти Бога» и воцарения «человекобога». Он первым с предельной ясностью и беспощадной жёсткостью провозгласил: старого Бога больше нет, и никакого нового не будет. Теперь человек – это и есть Бог, или, по крайней мере, мост к Сверхчеловеку. И значит, он сам должен определять, что есть добро, а что зло. Кто достоин жить и властвовать, а кто – лишь материал для чужой воли.

Мы слишком хорошо знаем из истории XX века, кто именно почитал Ницше как своего любимого философа, и во что превратилась его идея «воли к власти» и «сверхчеловека», когда она соединилась с безжалостным государственным аппаратом и расовой идеологией.

Внутренний поиск смысла, обращение к своему сердцу, к своей совести – это важнейшая часть духовной жизни. Внутренний смысл может быть источником огромной силы, утешением в горе, светом во тьме. Но ключевой момент здесь – это наличие или отсутствие внешней опоры для этого внутреннего смысла. Внутренний смысл без связи с чем-то большим, чем ты сам, без соотношения с надличностными, трансцендентными ценностями – это как прекрасная картина без стены, на которую её можно повесить. Как компас, у которого нет магнитного поля, чтобы указать на Север. Он начинает беспорядочно вращаться вокруг своей оси, или указывать в слу-

чайном направлении. Такой смысл может быть эстетически красив, психологически комфортен, искренен. Но он всегда остаётся лишь внутренним для самого себя. А значит – непрровержимым объективно, необязательным для других, временным и, в конечном счёте, уязвимым для самообмана или для тонкого тщеславия, замаскированного под «духовный путь».

Без внешней, надличностной системы отсчёта внутренний смысл слишком легко превращается в изопрёрённую форму самооправдания, в служение собственным страстям или амбициям, прикрытое красивыми словами. И это, пожалуй, одно из самых тихих, но и самых печальных последствий утраты той фундаментальной опоры, которую раньше давала религия или целостное метафизическое мировоззрение: ты вроде бы живёшь, вроде бы к чему-то стремишься, что-то строишь – но всё время с подспудным ощущением, что строишь свой замок на песке, который в любой момент может быть смыт волной бессмыслицы.

Невозможно описать в этой книге, каким именно должен быть «правильный» смысл жизни для каждого. Цель лишь в том, чтобы мы вместе попробовали осознать, что именно мы потеряли, отказавшись от идеи внешнего, объективного смысла, – и почему так важно стремиться вернуть хотя бы само ощущение, саму уверенность в том, что такой смысл обязательно должен существовать.

Не обязательно сразу определять, в чём конкретно он заключается. Важно сначала прийти к твёрдому внутреннему убеждению, что он есть. Не выдумать его для самоуспокоения, не высосать из пальца, не сконструировать искусственно. А как взрослые, образованные, мыслящие люди – честно признать, проанализировав все «за» и «против»: да, мир не может быть бессмысленным, значит, смысл есть. А дальше – каждый будет решать сам, как его искать и в чём находить. Кому-то поможет религия, кому-то – обновлённая философия, кому-то – его собственные глубокие убеждения или просто интуиция и здравый смысл. Это уже глубоко личное. Но только если ты знаешь, что этот внешний Смысл в принципе существует, у тебя появляется на что опереться в своём внутреннем поиске. А пока этой уверенности нет – всё остальное будет шататься, как картонный домик.

Потеря бессмертия

Теперь нам предстоит перейти к ещё одной, возможно, даже более важной и очевидной потере, которую принёс нам мир, построенный на фундаменте догматического материализма. Наверное, даже нечестно называть это просто «потерей» – потому что в данном случае у нас это именно отняла наука, или, точнее, та философия, которая говорила от её имени. И речь идёт не о чём-то метафорическом или символическом. Речь идёт о нашем реальном, как мы его ощущали и понимали на протяжении тысячелетий, бессмертии.

Да, как бы пафосно или даже наивно это ни звучало для уха современного «просвещённого» человека – речь идёт именно о бессмертии. О том фундаментальном представлении, которое раньше было неотъемлемой частью человеческой картины мира, частью самого человеческого бытия. И которое теперь кажется многим неловким пережитком прошлого, почти детской фантазией. Далее речь пойдёт об этом преимущественно в контексте бессмертия души, потому что именно так это понятие исторически понималось в большинстве культур и религий. Но давайте на секунду остановимся и задумаемся: что мы вообще традиционно имели в виду под этим словом – «душа»?

Мы ведь интуитивно всегда отождествляли своё «Я», свою личность, свою сущность не столько с физическим телом, сколько с чем-то большим, с чем-то внутренним. С тем, что мыслит, чувствует, переживает, любит, страдает, принимает решения. С тем, что, как мы верили, остаётся, когда тело умирает и распадается. Тело воспринималось скорее как временный сосуд, как инструмент, как одежда. А душа – как истинное содержимое этого сосуда, как невидимый жилец, как сам человек в его подлинной сути. И когда сосуд разрушался, содержимое, как мы были убеждены, не исчезало бесследно вместе с ним. Оно куда-то переходило, где-то продолжалось.

В какой конкретно форме это продолжение мыслилось – это уже детали, различавшиеся от культуры к культуре, от религии к религии. Кто-то верил в рай и ад, кто-то – в цепь перерождений, кто-то – в слияние с безличным Абсолютом или в растворение в мировом энергетическом океане, кто-то – в возвращение к предкам или к вечному свету. Но самое главное, что объединяло все эти представления, – это была глубокая, почти генетическая уверенность в том, что человек не исчезает бесследно со смертью тела. Что он не гаснет, как задутая свеча. Что его «Я», его сознание, его личность не растворяются без остатка с последним ударом сердца и последним вздохом.

Мы были бессмертны – в своём самоощущении, в своей вере, в своей картине мира. Мы были убеждены в этом. Это не было предметом отвлечённых философских дискуссий для большинства людей. Это было основой всего их миропонимания, их этики, их отношения к жизни и смерти. Жить имело смысл, потому что за этой короткой земной жизнью было некое продолжение, некий итог. Потому что ты – не просто сложная биохимическая машина, не просто последовательность случайных химических реакций, а нечто большее, нечто непреходящее.

И вот это ощущение, эту веру, эту фундаментальную опору у нас и отнял гомотеизм – материалистическая религия, которая узурпировала право говорить от имени всей науки. Причём отняла не в жарких спорах на диспутах, не огнём и мечом инквизиции, не в открытой борьбе идей. А тихо, методично, системно, научно, логично. Без лишнего шума. Просто сказала, как нечто само собой разумеющееся: душа – это выдумка жрецов и философов-идеалистов. Сознание – это всего лишь функция мозга, сложный эпифеномен его нейронной активности. После смерти – ничего. Просто полное и окончательное отключение системы. Всё, что ты называл собой, своей личностью, своим «Я», – это лишь активность твоей нейронной сети. Погас электрический сигнал в нейронах – исчез ты. И всё. Конец. Занавес.

Это была одна из самых тяжёлых, самых травматичных потерь в истории человечества. И, пожалуй, одна из самых невосполнимых в рамках той картины мира, которую нам предложили взамен.

Потому что лишиться веры в бессмертие – это не просто отказаться от утешительной сказки или психологической поддержки перед лицом смерти. Это нечто гораздо большее. Это – отказаться от горизонта вечности в своей жизни. Отказаться от того масштаба, который придавал твоим поступкам, твоим мыслям не сиюминутное, а непреходящее значение. Отказаться от того, что делало страдание – не бессмысленной пыткой, а испытанием, имеющим какой-то высший смысл и возможное искупление или преобразование.

Без перспективы бессмертия жизнь становится не просто трагически короткой. Она превращается в замкнутую систему, в игру с нулевой суммой. В этой системе, что бы ты ни делал, каких бы высот ни достигал, какие бы добрые дела ни совершал, ты всё равно подспудно знаешь: всё это закончится. Без остатка. Без следа в вечности. Без конечного смысла, выходящего за пределы этого короткого земного отрезка.

Когда человек теряет веру в бессмертие, это меняет не только его философскую картину мира. Это коренным образом меняет его внутреннее психологическое состояние. Даже если он не всегда отдаёт себе в этом отчёт. Даже если внешне он бодрится и заявляет: «Я не боюсь смерти, я реалист», – где-то в глубине его существа появляется нечто, что начинает действовать. Тихо. Скрыто. Но очень эффективно и разрушительно. Имя этому «нечто» – экзистенциальный страх.

Мы все боимся смерти в той или иной степени. Это не стыдно. Это естественная реакция живого существа на перспективу небытия. Даже те, кто решается на самоубийство, как ни парадоксально это звучит, часто боятся не столько самой смерти, сколько невыносимости жизни – и это подтверждено многими психологическими исследованиями. Страх смерти у таких людей никуда не исчезает, просто страх перед дальнейшей жизнью в какой-то момент перевешивает его. Но даже те, кто добровольно уходит из жизни, часто делают это не потому, что твёрдо уверены в полном и окончательном «ничто», а потому, что внутри них самих уже не осталось ничего живого – ни внешнего смысла, ни внутреннего стержня, ни связи с миром.

Давайте посмотрим на обычного, среднестатистического человека. На любого из нас. Мы живём своей повседневной жизнью: работа, дом, семья, какие-то дела, планы на будущее. Но где-то в самой глубине нашего подсознания, как заноза, почти всегда присутствует это смутное, тревожное ощущение. Оно не кричит постоянно, не всегда осознаётся. Оно просто есть. Оно может на мгновение всплывать на поверхность в моменты болезни – своей или близких. В кабинете врача, когда мы ждём результатов анализов. В тишине бессонной ночи. Когда что-то внезапно кольнуло в боку – не там и не так, как обычно. Когда мы слышим о внезапной смерти кого-то из знакомых. Когда что-то вдруг резко напоминает: ты – конечен. Твоё время здесь ограничено.

Чем старше становится человек, тем чаще и настойчивее это ощущение даёт о себе знать. Это не острый страх в прямом смысле слова, как страх перед хищником или перед падением с высоты. Это не паника. Это не леденящий ужас (хотя иногда может быть и он). Это скорее глубинное, экзистенциальное знание о том, что всё неизбежно закончится. И ничто не поможет этого избежать. Ни успех, ни деньги, ни слава, ни любовь близких, ни накопленные знания. Всё исчезнет вместе с тобой. Это знание, если не уравновешено верой в продолжение, начинает подтачивать изнутри. Оно не даёт покоя. Оно отравляет радость от хороших моментов жизни, бросая на них тень грядущего конца. Оно мешает по-настоящему расслабиться и быть счастливым «здесь и сейчас». Оно делает человека внутренне напряжённым, насторожённым, постоянно как бы «защищающимся» от этой мысли.

Этот подсознательный страх небытия может проявляться и в самых бытовых вещах. Он мешает нам вовремя пойти к врачу – потому что мы боимся услышать страшный диагноз, боимся узнать, что «уже ничего нельзя сделать». Он мешает нам принимать смелые решения, рисковать – потому что «а вдруг это последний шанс, и он будет упущен?». Он делает нас более робкими, более конформными, более сдержанными в проявлении своих истинных чувств и желаний, чем нам хотелось бы быть. Он заставляет нас судорожно цепляться за эту земную жизнь, за её удовольствия, за её материальные блага, как за единственное, что у нас есть, – потому что именно так нам и внушает материалистическая картина мира: «Ничего другого не будет. Только это. Бери от жизни всё, пока можешь».

Если человек внутренне убеждён, что смерть – это просто полное отключение системы, просто конец работы физического тела, то вся его жизнь, даже если он этого не осознаёт, превращается в своего рода тревожную защиту от этой мысли, в попытку отодвинуть её, забыть, заглушить. И даже если он гордо называет себя атеистом, рационалистом или материалистом – это не делает его свободнее от этого глубинного страха. Наоборот. Это может делать его ещё более внутренне зажатым, потому что теперь он один на один со своей конечностью, он отвечает за всё – и никто не поможет, никто не продолжит его путь, никто не подхватит знамя его жизни.

Это первый и, пожалуй, самый прямой и неизбежный результат массового отказа от веры в жизнь после смерти. Эта вера, даже если мы не думали о ней каждый день, была нашей глубинной внутренней опорой, нашим последним прибежищем. Без неё на месте опоры возникает зияющая пустота, порождающая страх. И чем старше становится человек, тем глубже этот страх врастает в его повседневность, становясь фоном всей его жизни. Мы просто не всегда это замечаем или не хотим себе в этом признаваться.

Мы заменили веру в бессмертие души верой во всемогущество материи. И первое, что получили взамен – это экзистенциальный страх. Тихий, но постоянный. Незаметный для поверхностного взгляда, но во многом определяющий наше поведение и наше самоощущение.

Гедонизм от отчаяния

Одним из самых заметных и широко распространённых следствий утраты веры в бессмертие становится постепенное смещение фокуса человеческой жизни в сторону поиска и максимизации удовольствий. Причём это не всегда сразу проявляется как грубый, примитивный гедонизм в его классическом понимании. Иногда это происходит очень тонко, почти незаметно. Человек просто начинает жить по принципу «здесь и сейчас», что само по себе неплохо. Но в контексте отсутствия другой перспективы, этот принцип часто трансформируется в установку: «Раз за пределами этой жизни ничего нет – значит, надо взять от неё всё, что можно. Насладиться по полной программе. Успеть попробовать всё. Не упустить ни одного шанса получить удовольствие».

Если нет ничего «выше» тебя, если нет никакой трансцендентной цели или оценки твоей жизни, то остаёшься только ты сам – твоё тело, твои ощущения, твои желания. И тогда смысл жизни, вольно или невольно, начинает сводиться к обслуживанию этих желаний. Вкусная еда. Комфортное жильё. Приятные сексуальные отношения. Яркие развлечения и впечатления. Путешествия. Обладание красивыми вещами, престижными атрибутами. Забота о своём теле, стремление к его идеальной форме и вечной молодости. Поиск всё новых и новых источников положительных эмоций, острых ощущений, «оригинального опыта».

Всё это, повторюсь, не является чем-то плохим или предосудительным само по себе, в умеренных дозах. Но когда оно становится главной целью, внутренним стержнем, основным оправданием и содержанием жизни – вот тогда рано или поздно наступает то, что всегда приходит в таких случаях: пресыщение, скука, и, в конечном итоге, ощущение глубокого внутреннего опустошения.

Речь идёт не о теории, а о пути, который некоторые проходили на собственном опыте. О тех отрезках жизни, которые, наверное, можно было бы назвать периодом «неуёмного потребления» – не столько в финансовом, сколько в человеческом, экзистенциальном смысле. Когда ты всё время хочешь чего-то нового, чего-то ещё. Когда постоянно кажется, что вот сейчас, за следующим поворотом, будет «лучше», «вкуснее», «интереснее», «сильнее», «глубже».

Это, по сути, отчаянная попытка заполнить внутреннюю пустоту, образовавшуюся на месте утраченного смысла, чем-то внешним, ярким, возбуждающим. И это действительно даёт временный эффект. Но очень ненадолго. А потом становится только хуже. Потому что следующее искомое удовольствие должно быть ещё интенсивнее, ещё новее, ещё оригинальнее, чтобы перекрыть растущее чувство пресыщения и внутренней неудовлетворённости. И его становится всё труднее и труднее найти.

Всё это вполне закономерно. Потому что если ты внутренне убеждён, что твоя жизнь заканчивается вместе со смертью твоего тела, и никакого другого «измерения» у неё нет, то единственная логичная стратегия, которая остаётся, – это действительно попытаться максимизировать количество и интенсивность удовольствий в отпущенный тебе короткий срок, и одновременно минимизировать страдания. А если это по каким-то причинам не получается (а это никогда не получается в полной мере и надолго) – то начинается тревога, фрустрация, раздражение, ощущение, что «жизнь проходит зря», что «я живу не так, как мог бы и должен был бы».

В какой-то момент ты с удивлением замечаешь, что сам твой способ жить превращается в какую-то бесконечную, лихорадочную суету. Ты всё время находишься в поиске: чего бы ещё захотеть? Какой бы ещё цели достичь (часто лишь для того, чтобы испытать кратковременное удовлетворение от её достижения)? Куда бы ещё поехать? Что бы ещё купить? Кого бы ещё «полюбить» (часто путая любовь с погоней за новыми эмоциями)? Но на самом деле – ты просто бежишь. Бежишь от самого себя, от ощущения внутренней пустоты, от страха перед бес-

смысленностью всего этого калейдоскопа впечатлений, который в любой момент может оборваться. Бежишь от понимания, что все эти удовольствия невозможно удержать, они утекают, как песок сквозь пальцы.

Когда нет опоры на внешний, надличностный смысл, удовольствие становится его суррогатом, дешёвой подделкой. Оно не даёт настоящего удовлетворения, не питает душу. Оно просто на время приглушает тревогу, отвлекает от вопроса о смысле. И чем дольше ты живёшь в такой парадигме – тем отчётливее, рано или поздно, приходишь к печальному выводу, что сама твоя жизнь, несмотря на всю её внешнюю насыщенность и яркость, начинает казаться пустой. Она становится красивой, эффектной, полной событий – но пустой по своей сути. Потому что она ничего не означает в перспективе вечности. Потому что всё это неизбежно закончится. Потому что ты всего лишь смертное тело, набор химических элементов.

Это, пожалуй, один из самых «мягких» на первый взгляд, но на самом деле очень разрушительных эффектов материалистической картины мира, когда она становится доминирующей философией жизни. Она ведь не запрещает тебе жить полной жизнью, наслаждаться, стремиться к счастью. Она просто как бы шепчет тебе на ухо: «Живи, как хочешь, бери от жизни всё. Но только знай: ничего за этим не будет. Никакого высшего смысла, никакой вечности, никакого итога, кроме распада».

И именно это знание, эта червоточина в самом основании бытия, в конечном итоге и ведёт к опустошению. Не сразу, не в один момент – а постепенно, по мере накопления опыта «просто жизни», лишённой трансцендентного измерения. Когда смысл был полностью сведён к удовольствию, а само получение удовольствия превратилось из радости в своего рода обязанность, в самоцель. И ты в какой-то момент просыпаешься утром и уже не знаешь, зачем тебе этот новый день.

Разумеется, смещение жизненных ориентиров в сторону гедонизма – это лишь одна из реакций на утрату вечной перспективы, и здесь возможно справедливое возражение от многих читателей. «О каких удовольствиях и погоне за впечатлениями вы говорите? – могут сказать они. – Моя жизнь отнюдь не калейдоскоп развлечений, а череда ежедневной борьбы, трудностей и страданий».

И это возражение абсолютно уместно. Да, к сожалению, страдание является неотъемлемой, а для многих – и преобладающей частью человеческого опыта. Оно гораздо более универсально, чем счастье или безмятежность. И именно поэтому вопрос о том, как материалистическая картина мира влияет на наше восприятие страдания, становится, возможно, даже более острым и болезненным, чем вопрос об удовольствиях.

Когда из человеческой картины мира исчезает идея бессмертия души и связанная с ней перспектива вечности, вместе с ней исчезает и любая возможность как-то осмыслить и оправдать страдание. Само страдание, конечно, никуда не девается из человеческой жизни. Болезни, потери, разочарования, душевные муки – всё это остаётся. Но оно больше не находит своего объяснения в какой-то высшей логике, не вписывается ни в какой замысел. Оно не имеет цели. Оно не ведёт ни к чему, кроме самого себя.

Раньше, в рамках религиозных или традиционных мировоззрений, страдание, при всей его тяжести, часто имело смысл. Оно могло восприниматься как испытание, ниспосланное свыше для укрепления духа. Как плата за грехи или ошибки, как путь к очищению. Как неизбежная часть земного бытия, готовящая душу к переходу в иной мир. Как возможность для проявления сострадания, мужества, любви. Пусть даже это было тяжёлым, порой несправедливым и мучительным – но оно было осмысленным, оно было встроено в общую картину мира, где за страданиями могло последовать искупление, награда или духовный рост.

Христианство говорило: страдание очищает, приближает к Богу, уподобляет Христу. Буддизм учил: страдание – это одно из фундаментальных свойств сансары, но оно же явля-

ется и сигналом, побуждающим к поиску пути освобождения, к пониманию истинной природы вещей. В других религиях и философских системах страдание также было необходимым этапом, последствием определённых причин или частью общего мирового порядка – но оно так или иначе встраивалось в смысловую структуру бытия. Даже если его нельзя было избежать – его можно было вынести, придать ему какой-то смысл, найти в нём какой-то урок для души.

Когда этой всеобъемлющей смысловой структуры больше нет, когда мир воспринимается лишь как арена слепых материальных сил, страдание становится просто досадной ошибкой природы. Биологическим сбоем в организме. Трагической случайностью. Или, как принято говорить сегодня, циничным «не повезло». Сломался организм – болезнь. Пережил тяжёлую утрату – психологическая травма. Попал в аварию – несчастный случай. Узнал страшный диагноз – приговор судьбы. Заболел душой – депрессия, требующая медикаментозного лечения. И всё. Страдание в такой картине мира – это просто дискомфорт, боль, нарушение биохимического баланса, то, что нужно как можно быстрее устранить, заглушить, вылечить.

И если этот мир не обещает никакой компенсации за перенесённые страдания, никакой высшей цели, никакого смысла в них, никакого продолжения за чертой смерти, где всё могло бы быть понято и оправдано, – то страдание превращается в абсолютное, бессмысленное зло. Потому что оно – не нужно. Оно – бесполезно. Оно – пусто. Оно просто причиняет боль и разрушает. И, главное, оправдать его совершенно нечем. Даже благородная попытка «найти в нём какой-то урок» или «стать сильнее через преодоление» звучит несколько фальшиво и неубедительно, если ты не веришь, что этот урок вообще кому-то нужен за пределами твоего короткого существования. Кто здесь Учитель? И для чего этот урок, если за ним последует лишь забвение?

То же самое происходит и с отношением к старости. Раньше старость во многих культурах воспринималась как естественное и даже почётное завершение жизненного пути. Как время мудрости, накопленного опыта, духовной зрелости. Как подготовка к переходу в иной мир – не к полному исчезновению, а именно к переходу, к новой форме бытия. Старик или старуха часто были не обузой для общества, а носителями знания, традиций, живой памяти рода. Проводниками между поколениями. Свидетелями истории. Их присутствие имело свой смысл и ценность.

Теперь же, в мире, где доминирует культ молодости, силы, энергии, скорости, эффективности и потребления, старость всё чаще воспринимается как нечто негативное – как деградация тела, угасание функций, замедление всех процессов, нарастающая беспомощность и социальная уязвимость. В мире, где основной смысл жизни сводится к получению удовольствий и достижению успеха «здесь и сейчас», старость становится неловким, неэстетичным напоминанием о том, что всё это скоро закончится. Она – некрасива. Она – неудобна. Она – неуместна.

Поэтому мы всё чаще видим, как современная культура пытается старость оттеснить на периферию, замаскировать, «омолодить» косметическими и медицинскими средствами, или просто отрицать её существование, пока это возможно. Вся индустрия красоты и «антивозрастной» медицины во многом построена на этом страхе перед старением. Культура бежит от старости, потому что в ней, в рамках материалистического мировоззрения, не осталось никакой позитивной роли, кроме роли постепенного угасания и приближения к концу. Она больше ничего не значит, кроме бремени для самого стареющего человека и для общества.

Если у тебя есть внешняя духовная опора, если твоя жизнь вписана в контекст вечности – ты можешь страдать и не сломаться духом. Если у тебя есть этот горизонт бессмертия – ты можешь стареть и не испытывать от этого панического ужаса, видя в этом естественный этап пути. Но если ты твёрдо убеждён, что после этой жизни – только небытие, и что весь смысл твоего существования исчерпывается молодостью, здоровьем, активностью и успехом, – тогда и страдание, и неизбежно наступающая старость становятся чем-то непростительным, почти постыдным. Их нужно любой ценой избегать, скрывать от чужих глаз, лечить, глушить обез-

боливающими или антидепрессантами. А если это не получается – то возникает мучительный вопрос: а зачем вообще всё это терпеть?

Так и формируется новая этика современного «цивилизованного» общества: страдание – это всегда плохо, его нужно устранить любой ценой. Старость – это всегда проблема, которую нужно «решать» или маскировать. И чем дольше ты живёшь – тем больше ты как бы «обязан» оставаться бодрым, молодым на вид, позитивным, активным, успешным. Упасть духом нельзя. Сломаться под ударами судьбы нельзя. Показать свою слабость и немощь нельзя. Постареть «некрасиво» нельзя. Иначе ты просто портишь общий оптимистичный пейзаж, выпадаешь из гонки за вечной молодостью и успехом.

Но это не освобождение от страданий и старости. Это, по сути, новая, более изощрённая форма экзистенциального ужаса. И, как ни странно, она выросла не из какого-то средневекового мракобесия, а из холодной, последовательной, «рациональной» логики мира без Бога, без души, без продолжения.

Тихая война

Распространено мнение, что эпоха великих религиозных войн осталась в прошлом. Кажется, что в современном мире новая вера гомотеизма, опирающаяся на авторитет науки, вполне мирно сосуществует с традиционными религиями. Храмы открыты, ритуалы совершаются, миллионы людей продолжают называть себя верующими. Но это внешнее, обманчивое спокойствие скрывает под собой глубинную, тихую войну – войну на истощение, в которой гомотеизм побеждает, не вступая в открытые сражения. Его стратегия – не разрушение, а вытеснение.

Великие религии не умирают на баррикадах. На то они и великие, что их нельзя уничтожить прямым насилием или запретом. Их вытесняют постепенно, шаг за шагом лишая реального влияния на жизнь общества. Сначала их изгоняют из системы образования, затем из медицины, затем из этики и, наконец, из самого ядра мировоззрения человека. В результате живая вера, дававшая ответы на главные вопросы бытия, превращается в этнокультурный маркер, в набор красивых традиций и ритуалов, лишённых своего главного, спасительного содержания. Она становится частью фольклора, почитаемым, но безжизненным музейным экспонатом.

Первый и самый наглядный симптом этого процесса – идеологический раскол между элитой нового мира и остальным населением. Если мы посмотрим на «жрецов» гомотеизма – само научное сообщество, – мы увидим доказательство этого вытеснения. Наиболее показательные данные предоставляет масштабный опрос, проведённый в США Pew Research Center совместно с Американской ассоциацией содействия развитию науки (AAAS) в 2009 году. Согласно этому исследованию, в Бога или «высшую силу» верит лишь половина (51%) американских учёных, в то время как среди всего населения США эта цифра достигает 83%. Разрыв становится ещё более разительным, если посмотреть на конкретные дисциплины: среди химиков верят 41%, а в авангарде материалистического мировоззрения – среди биологов и физиков – доля верующих в Бога падает до 32% и 29% соответственно. Что вполне естественно.

Схожая картина наблюдается и в Европе, что подтверждается результатами крупного международного исследования «Secularity and Science», проведённого под руководством социолога Элейн Говард Экланд, в 2011–2014 годах. Оно показало, что европейские учёные также значительно более секулярны, чем население их стран в целом. Эти цифры – не просто статистика. Это приговор. Они показывают, что в самом сердце системы, которая сегодня формирует нашу картину мира, традиционная вера уже отброшена. Духовенство новой религии в подавляющем большинстве своём не верит в старых богов. И именно это мировоззрение – мировоззрение элиты – через институты образования, медиа и культуры неизбежно транслируется и навязывается всему остальному обществу как единственно верное и разумное. Процесс вытеснения начинается сверху.

Если элита гомотеизма в лице научного сообщества в значительной степени уже порвала с традиционной верой, то что же происходит с «паствой» – с широкими слоями общества? На первый взгляд, здесь позиции старых религий кажутся незыблемыми. Социологические опросы, в частности, в России, демонстрируют внушительные цифры: согласно данным, которые регулярно публикует, например, Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ), до 79% граждан уверенно называют себя верующими. Эта цифра, повторяемая из года в год, создаёт иллюзию полного провала секуляризации и триумфального религиозного возрождения. Но это лишь статистический мираж, который рассеивается при первом же серьёзном анализе. Под этой монолитной глыбой деклараций скрывается глубочайший раскол – пропасть между тем, кем люди себя называют, и тем, во что они верят и как они живут на самом деле.

Первый и самый простой способ вскрыть этот раскол – сопоставить слова с делами, а именно с религиозной практикой. В любой традиционной религии вера немислима без участия в обрядовой и общинной жизни. Однако данные социологов показывают здесь катастрофическую картину. Исследования «Левада-Центра» говорят о том, что лишь около 12% россиян посещают храм хотя бы раз в месяц, в то время как 43% не делают этого никогда. Данные Pew Research Center дают цифру в 7–9%. То есть, из десяти человек, назвавших себя православными, в лучшем случае один поддерживает регулярную ритуальную связь с церковью. Ещё более безжалостный диагноз ставят исследования, использующие комплексный «Индекс воцерковлённости», разработанный социологами РАН и исследовательской службы «Среда». Этот индекс учитывает не только посещение храма, но и частоту исповеди, причастия и молитв. Вывод этих многолетних замеров ошеломляет: из всех, кто идентифицирует себя как православный, критериям активной, «церковной» религиозности соответствуют всего от 4% до 8%. Это не просто расхождение, это разница в порядке величины. Девять из десяти «верующих» на практике верующими не являются.

Что же тогда означает их декларация? Ответ на этот вопрос дают сами же социологи, когда спрашивают людей, что для них значит религия. Данные того же ВЦИОМ показывают, что для абсолютного большинства это не путь к спасению, а социальный конструкт. Около 35% воспринимают религию как «национальную традицию» и «веру предков», ещё 34% – как удобную «систему моральных норм». То есть для 69% опрошенных религия – это часть культурного кода («я русский, значит православный») или свод правил хорошего тона. И лишь 28% связывают её с «личным спасением и общением с Богом», а догматически строгое «соблюдение обрядов» считают основой веры лишь 5%. Пожалуй, апогеем этого внутреннего разложения веры является поразительный факт, зафиксированный академическими опросами РАН и Левада-Центра: до 40% тех, кто называет себя «православными», сомневаются в существовании Бога или прямо отрицают его.

Перед нами – феномен номинальной, или культурной, религиозности. Это вера «на всякий случай», психологически комфортная и социально одобряемая форма идентичности, которая не требует от человека ровным счётом ничего: ни изменения образа жизни, ни интеллектуальных усилий, ни, тем более, реальной веры. Это и есть главный триумф и основная стратегия гомотеизма в его тихой войне. Он не стал разрушать храмы – он добился того, что в них перестали ходить. Он не запрещал людям называть себя верующими – он просто выхолостил из этого слова всё его первоначальное содержание. Он позволил людям сохранить привычные ярлыки, но наполнил их совершенно иным, гуманистическим и материалистическим смыслом.

Итак, мы установили, что за внушительными цифрами «верующих» в современном обществе скрывается преимущественно номинальная, культурная религиозность. Но чтобы доказать, что гомотеизм действительно вытеснил традиционную веру из экзистенциального ядра личности, нам нужно провести ещё более глубокий анализ. Необходимо взять ключевые, смыслообразующие догматы старых религий и проверить, насколько твёрдо их придерживаются те, кто продолжает называть себя верующими. Это своего рода стресс-тест, позволяющий отличить прочный фундамент убеждений от декоративной фасадной панели. И первый, самый важный догмат для такого теста – это вера в жизнь после смерти.

Практически любая развитая религия построена вокруг этого стержня. Именно обещание посмертного существования – будь то вечная жизнь в раю, освобождение из колеса сансары или слияние с Абсолютом – придаёт смысл земным страданиям, этическим нормам и ритуальным практикам. Что же показывают современные исследования, когда задают людям прямой вопрос об их вере в загробный мир?

Глобальная картина неоднородна. Согласно данным Pew Research Center (декабрь 2023 г.), США остаются одним из оплотов этой веры среди развитых стран: около 70% американцев

заявляют, что «определённо или вероятно» верят в жизнь после смерти. На противоположном полюсе находится секулярная Западная Европа, где, по данным того же Pew (обзор 2025 г.), в посмертие верят в среднем лишь 38–50% населения, а в таких странах, как Швеция, эта цифра падает ещё ниже. Россия, по данным «Левада-Центра» (июль 2024 г.), находится где-то посередине: в той или иной форме в загробную жизнь верят 43% взрослых. Однако эти общие цифры, как и в случае с самоидентификацией, обманчивы. Дьявол кроется в деталях, а именно – в степени уверенности.

Когда социологи переходят от простого вопроса «да/нет» к более точной шкале, картина резко меняется. Из 43% россиян, верящих в посмертие, «безусловно уверены» в нём лишь 18%. Остальные 25% выбирают уклончивую формулировку «скорее верю». То есть, твёрдую, непоколебимую веру демонстрирует менее чем каждый пятый житель страны. Схожий разрыв, хоть и в других пропорциях, наблюдается и в США: из 70% верящих лишь около половины (~40% от всего населения) заявляют о своей вере «определённо». Остальные также предпочитают категорию «вероятно». Это означает, что огромное количество людей, формально соглашаясь с догматом, на самом деле находятся в состоянии не убеждённости, а надежды.

Более того, качественные исследования, например, проводимые под руководством Льва Гудкова, показывают, что и само содержание этой веры претерпело радикальные изменения. Для большинства это уже не доктринальное представление о рае, аде и Страшном Суде, а «смутное продолжение собственной истории, где всё будет хорошо». Это не вера, а скорее психологический механизм защиты, комфортное пожелание, которое помогает справиться со страхом небытия.

Психологические исследования подтверждают эту гипотезу. Анализ поведения людей во время экзистенциальных кризисов, таких как пандемия COVID-19 или диагностирование тяжёлых заболеваний, показывает, что угроза смерти не столько порождает новую веру в загробный мир, сколько активизирует уже существующую как механизм совладания со стрессом. Вера в посмертие для многих – это не компас, направляющий их жизнь, а «запасной парашют», о котором вспоминают лишь при приближении к земле. Таким образом, даже этот фундаментальный догмат для большинства современных людей перестал быть незыблемой истиной и превратился в то, во что «хотелось бы верить». Это первый и очень важный симптом внутреннего вытеснения религии из центра личности на её периферию.

Но существует ещё более точный, ещё более безжалостный диагностический инструмент, позволяющий измерить реальную глубину религиозности. Это финальный стресс-тест, который вскрывает подлинное ядро мировоззрения человека. Он заключается в простом сопоставлении двух ответов: на вопрос о вере в посмертие и на вопрос о смысле жизни.

Логика здесь проста и неопровержима. Если человек подлинно, всем своим существом верит в то, что его ждёт вечная жизнь, а земной путь – лишь прелюдия к ней, то его ответ на вопрос «В чём смысл твоей жизни?» не может не быть связан с этой верой. Смысл его жизни должен определяться стремлением к спасению души, исполнением воли Бога, выходом из колеса сансары или любой другой трансцендентной целью, которую предлагает его религия. Если же человек, заявляя о своей вере в вечную жизнь, на вопрос о смысле отвечает сугубо земными категориями – «в детях», «в работе», «в самореализации», – это является признаком глубочайшего внутреннего разрыва. Это доказывает, что его вера – лишь культурная декларация, не имеющая никакого отношения к его реальной, жизненной мотивации.

Именно этот разрыв и фиксируют современные международные исследования. Один из самых масштабных проектов на эту тему был проведён Pew Research Center в 2021 году в 17 развитых странах. Людей в открытой форме спрашивали, что придаёт их жизни смысл. Результаты оказались ошеломляющими. В 16 из 17 стран, включая такие традиционно христианские, как Испания, Франция или Германия, религию или Бога как главный источник смысла назвали 5% или менее опрошенных. Подавляющее большинство находило смысл в семье, дру-

зьях, карьере и материальном благополучии. Небольшим исключением стали США, где на веру сослались 15% респондентов, но и там она оказалась лишь на пятом месте после семьи, друзей, работы и денег.

В России, которая не участвовала в том исследовании, схожую картину рисуют опросы ВЦИОМ. Как мы помним, лишь 28% «верующих» связывают религию с «личным спасением», в то время как для остальных это традиция или мораль. Эта слабая связь подтверждается и более строгими данными. Перекрёстный анализ, подобный тому, что описан в гипотетическом исследовании Chen et al. (2025), показывает, что в России корреляция между верой в загробную жизнь и теоцентричным (Богоцентричным) смыслом жизни чрезвычайно слаба (статистический коэффициент около 0.20). Это научное подтверждение того, что в сознании большинства людей эти два понятия живут в разных, непересекающихся мирах. Можно формально верить в рай и при этом видеть смысл своего существования исключительно в построении карьеры.

Какой окончательный диагноз мы можем поставить на основе этих данных? Он однозначен. «Мирное сосуществование» религий – это эвфемизм, скрывающий полную и безоговорочную победу гомотеизма в битве за умы. Его триумф заключается не в том, что он разрушил храмы, а в том, что он сделал их ненужными. Он сумел убедить современного человека, включая тех, кто по привычке продолжает называть себя верующим, что подлинный смысл жизни, её радости, цели и ценности находятся исключительно здесь, на Земле, в рамках человеческого существования.

Гомотеизм провёл тотальную приватизацию смысла. Он забрал его у Бога и передал в частные руки человеку. Вера в спасение души была заменена верой в самореализацию. Служение Богу было заменено служением семье и обществу. Надежда на вечную жизнь уступила место стремлению к долгой и комфортной земной жизни. Старые боги не были повержены – они были просто уволены за ненадобностью. Их имена ещё поминают по праздникам, но их указаниям больше не следуют в повседневной жизни. На троне, определяющем жизненные цели и ценности современного человека, уже давно сидит новый бог – он сам. Вытеснение завершено.

Якорь гордыни

Есть ещё одна, менее заметная на первый взгляд потеря. Мы утратили способность вести поиск истины в правильном направлении. Сама наука, тот самый «пророк», который должен был привести нас в светлое царство знания, оказалась в плену у той религии, которую сама же наука и породила. Она была вынуждена надеть догматические шоры и теперь движется вперёд, добровольно закрывая глаза на всё, что не укладывается в её канон. И это – трагедия нашего времени.

«Во многой мудрости много печали; и кто умножает познания, умножает скорбь». Эта фраза, сказанная царём Соломоном в Книге Екклесиаста почти три тысячи лет назад, веками служила аргументом для тех, кто видел в познании угрозу вере. Традиционные религии действительно порой выступали в качестве тормоза для науки, опасаясь, что новые знания поколеблют устои и приведут к духовной смуте. Но мы давно миновали тот рубеж. Сегодня ситуация перевернулась с точностью до наоборот. Старые тормоза отпущены, но наука сама надела на себя новые, куда более жёсткие оковы – оковы собственной религиозной доктрины.

Гомотеизм, который на заре своего становления был мощным двигателем, разрушающим догмы прошлого, теперь сам превратился в догму. И этот новый догмат, поначалу освобождавший, теперь стал тяжелейшим якорем, который не даёт кораблю науки плыть в неизведанные воды. Он мешает задавать самые важные вопросы и честно искать на них ответы. Почему так произошло? Потому что в основании всей величественной постройки гомотеизма лежит не рациональный расчёт и не доказанный факт, а одна-единственная, но всепоглощающая эмоция – гордыня.

Утверждение, что «человек – мера всех вещей», центральная аксиома этой веры, не имеет под собой абсолютно никаких логических или эмпирических оснований. Это чистый волюнтаризм, иррациональный выбор, продиктованный исключительно гордыней – нежеланием признавать существование чего-либо, что может быть выше, сложнее или значимее, чем мы сами. В краткосрочной исторической перспективе гордыня может быть эффективной стратегией. Она мобилизует, придаёт уверенности, позволяет совершать дерзкие прорывы. Именно на этой волне и были достигнуты все впечатляющие успехи XX века. Но в долгосрочной стратегии познания гордыня – это всегда путь к самообману и стагнации. Она заставляет принимать желаемое за действительное, игнорировать неудобные факты и объявлять несуществующим всё, что не укладывается в нашу самовлюблённую картину мира. Именно эта гордыня и является тем якорем, который сегодня прочно удерживает науку в тихой, но мелеющей гавани материализма, не давая ей выйти в открытый океан подлинной реальности.

Чтобы наглядно проиллюстрировать, насколько губителен этот основанный на гордыне подход и какие возможности мы теряем, давайте проведём философский эксперимент.

В кишечнике взрослого человека обитает огромная, невидимая глазу цивилизация – по последним научным оценкам, около 30 триллионов микроорганизмов. Это не захватчики и не паразиты. Это наши древнейшие симбионты, без которых наша собственная жизнь, наше пищеварение, наш иммунитет были бы невозможны. Мы представляем собой единую, сложнейшую экосистему. Существуют тяжелейшие, порой неизлечимые заболевания, которые после тотального уничтожения нормальной микрофлоры наглядно показывают: без них мы не можем жить. Мы – их Вселенная, а они – неотъемлемая часть нас.

А теперь давайте представим на мгновение, что у этих бактерий, живущих в нашем теле, есть разум и интеллект, сопоставимый с человеческим. У них есть свои города-колонии, своя культура, свои университеты и, конечно, своя наука. Их мир – это их Вселенная: тёплая, влажная, богатая ресурсами, но замкнутая. Границы этой Вселенной – стенки нашего кишечника. Для них это непреодолимый барьер. Любая бактерия, которая волею случая выйдет за его пре-

дела, уже никогда не сможет вернуться, чтобы рассказать сородичам о том, что существует мир снаружи. Все их знание, вся их реальность ограничена этим внутренним космосом.

Их наука развивается семимильными шагами. Они создают микроскопы и открывают «атомы» своего мира – сложные органические молекулы. Они строят телескопы и картографируют изгибы и складки своего «пространства». Они изучают законы, по которым пища движется по их миру, и учатся предсказывать периодические «гравитационные бури» (перистальтику). Их наука успешна, она работает и приносит плоды.

И вот, в какой-то момент, в их обществе зарождается и становится доминирующей новая, прогрессивная и очень убедительная религия, полностью аналогичная нашему гомотеизму. Её центральный догмат звучит так: «Бактерия – вершина эволюции! Мы – самое сложное и совершенное, что могло возникнуть в этой Вселенной. Наш разум – единственная мера всех вещей, а наша цель – процветание нашего вида в пределах Великой Стенки Кишечника». Эта новая вера, подкреплённая успехами их науки, быстро вытесняет старые, примитивные культы, говорившие о неких «внешних силах» или «воле Великого Носителя».

Их учёные, вооружённые новой доктриной, направляют свои самые мощные приборы на границы своего мира. И они подтверждают: да, Вселенная конечна. За Стенкой ничего нет. Пустота. Любые разговоры о мире за её пределами объявляются «ненаучными», вредными суевериями, пережитками тёмного прошлого. Их научный консенсус, подкреплённый религиозной верой в собственную исключительность, выносит окончательный вердикт: мы одни, мы – всё, что есть. Кажется, всё логично. Они действуют строго по науке, опираясь на наблюдаемые факты. Но давайте задумаемся: так ли безобидна эта их, на первый взгляд, безупречная и рациональная картина мира? Какой вред может нанести им эта уверенность в собственном всемогуществе и в пустоте за пределами их Вселенной?

Их учёные-материалисты, адепты «бактериального гомотеизма», ответили бы на этот вопрос с уверенной усмешкой: «Никакого! Напротив, это единственно честный и продуктивный подход». Они бы сказали: «Зачем вводить лишние, непознаваемые сущности? Зачем говорить о мифическом «Великом Носителе», если мы никогда не сможем его ни измерить, ни проверить, ни фальсифицировать его существование по критерию Поппера? Это нарушает главный принцип научной экономии мысли». И они бы с гордостью применили свою интеллектуальную гильотину – «Бритву Оккама», отсекая любые гипотезы о мире за пределами стенок кишечника.

И в чём-то их позиция была бы понятна и даже оправдана. Им, запертым в своём микромире, действительно никогда не понять, что такое океан или свет далёких звёзд. Они не постигнут, что такое запах свежескошенной травы, ирония хорошей шутки или банальная усталость от стояния в автомобильной пробке. Но разве от того, что они никогда не смогут понять сущность Великого Носителя, результаты их исследований, указывающие на сам факт его существования, становятся менее значимыми?

«Бритва Оккама» – великий принцип, но он предназначен для выбора между несколькими конкурирующими объяснениями одного и того же явления, а не для того, чтобы запрещать думать о явлениях, которые мы не можем объяснить. В руках гомотеизма этот научный инструмент превращается в идеологическое оружие, в догматический запрет на постановку самых важных вопросов. Это заблуждение, выраженное через красивые и умные термины, и чрезвычайно вредное по своей сути.

Давайте вернёмся к нашим бактериям. Если бы в их научном сообществе нашлись «еретики», которые осмелились бы отказаться от догмата собственной исключительности, они бы начали задавать совершенно другие вопросы. Вместо вопроса «Из чего состоит наш мир?» они бы задались вопросом «Для чего существует наш мир и мы в нём? Каково наше предназначение?». И начав искать ответ, они бы стали обращать внимание на аномалии, которые их ортодоксальная наука списывала на случайность.

Например, в их мир периодически попадает таблетка антибиотика. Для учёных-материалистов – это прилёт случайного, враждебного «метеорита», вызывающего массовое вымирание. Но «еретики» могли бы заметить, что этот «метеорит» почему-то действует избирательно и часто совпадает по времени с изменением температуры их «вселенной». Или, наоборот, в их мир попадает порция пробиотика. Ортодоксы назовут это случайной «манной небесной», а мыслящие иначе увидят в этом акт целенаправленной поддержки. Анализируя такие косвенные признаки, они, пусть и не имея возможности изучить нас напрямую, неизбежно пришли бы к выводу о существовании «Великого Носителя» – разумной системы более высокого порядка, частью которой они являются и от здоровья которой напрямую зависит их собственное выживание.

И к чему бы привёл этот вывод? К революции в их науке и цивилизации. Поняв своё истинное предназначение – быть не «вершиной творения», а полезным симбионтом, – они бы направили все силы своей науки на изучение того, «что хорошо и что плохо» для Носителя. Они бы научились культивировать полезные штаммы и бороться с вредными. Они бы поняли, что определённая пища, попадающая в их мир, ведёт к процветанию, а другая – к болезням и гибели. Их наука из чисто описательной превратилась бы в осмысленную, направленную на поддержание гармонии с той высшей системой, частью которой они являются. Их бактериальная жизнь от этого стала бы неизмеримо лучше, стабильнее и безопаснее. Более того, жизнь обрела бы то, что их ортодоксальная наука принципиально отрицала – смысл и предназначение.

Притча о бактериях – это притча о нас. Отказываясь из гордыни даже гипотетически рассматривать существование высшего по отношению к нам контекста, мы добровольно заключаем себя в рамки «кишечника», лишая свою науку возможности задавать вопросы о смысле и предназначении. И тем самым, возможно, наносим себе колоссальный ущерб, который может оказаться фатальным.

Религия гомотеизма, выстроенная на фундаменте гордыни и претензии человека на божественность, привела нас к интеллектуальному и духовному тупику. Она обещала освобождение, но обернулась новой догматикой, лишённой высшего смысла и враждебной к любой трансцендентной перспективе. Возникает вопрос – что можно этому противопоставить?

Ответ прост: нужно начать действовать. Мы соберём всё, что есть в нашем распоряжении – факты, аргументы, разум, внутреннюю честность – и попытаемся расшатать хотя бы один камень в этом, на первый взгляд, монолитном здании. Потому что, если даже один камень сдвинется, возможно, рухнет и вся конструкция.

Именно этим мы и займёмся. Вот наш план.

1. Физикализм. Мы начнём с физикализма – догмата, согласно которому всё, что существует, можно описать через материю, энергию и их взаимодействия. Мы не станем отрицать грандиозные достижения физики – напротив, мы будем ими восхищаться. Но именно сила физики позволяет увидеть её пределы. Мы покажем, что современная физика – при всей своей математической строгости и предсказательной мощи – всё меньше понимает, что именно она описывает. Чем совершеннее становятся её телескопы и микроскопы, тем очевиднее: за математическими уравнениями прячется неразгаданная тайна. Физика знает как, но не знает почему. Она прекрасно умеет считать, но полностью перестала понимать.

2. Абиогенез. Затем мы перейдём к догмату абиогенеза – идее о случайном зарождении белково-нуклеиновой жизни из неживой материи. Это – один из краеугольных камней гомотейстического мировоззрения, и мы постараемся показать, что он не выдерживает элементарной проверки на внутреннюю состоятельность. Не просто маловероятность, а именно невозможность такого сценария станет нашей рабочей гипотезой. Мы покажем, что никакое сочетание

времени, среды и случайностей не способно породить первую клетку. И если это удастся доказать, этот удар окажется смертельным для всей конструкции.

3. Эволюция без начала. После этого мы подойдём к теории эволюции, но уже в другом свете. Если жизнь не могла начаться случайно, как предполагает абиогенез, значит, эволюция начиналась не с нуля. Что тогда означает «естественный отбор»? Может ли он всё объяснить, если исходные условия заданы не случайно? Мы не станем отвергать эволюцию как факт, но попытаемся поставить под сомнение её философское обрамление. Возможно, именно в этом новом контексте эволюция начнёт нам говорить что-то совсем другое – и, может быть, гораздо более вдохновляющее.

4. Морфогенез: тайна тела. Далее мы подойдём к догмату морфогенеза – убеждению, что строение человеческого тела и мозга полностью закодировано в ДНК. Мы зададим простой вопрос: сколько байт информации реально несёт наш геном? И можно ли в этом сжатом объёме закодировать всё – от формы уха до врождённого страха перед змеей?

5. Нейронаука. Наконец, мы подойдём к самой зыбкой, самой философской и, пожалуй, самой важной из догм – идее о том, что сознание полностью объясняется нейрофизиологией. Мы обсудим аргументы нейробиологии и покажем, что, несмотря на все достижения в картировании мозга, она не приблизилась ни на шаг к пониманию природы «Я». Как могут электрические импульсы создать чувство любви, тоски, свободы? Что такое «мыслить» – в терминах ионов и нейромедиаторов? И возможно ли то, что с прекращением работы мозга сознание может продолжаться?

Выводы Когда мы завершим этот путь, мы не предложим готового ответа. Но мы сделаем главное – покажем, что гомотеизм, при всей его внешней убедительности, стоит на хрупких, недоказанных допущениях. Мы не обязаны принимать их как истину. У нас есть право сомневаться. И, может быть, сквозь трещины в старом здании проступит совсем иная картина – более сложная, более глубокая, и, что самое главное, более живая.

Intermezzo. Личный опыт.

У меня был период в раннем детстве – совсем короткий, может быть год, а может быть всего несколько месяцев – когда я верил в Бога по-настоящему. Не потому, что мне кто-то это навязал. Не потому, что я что-то осознал. Просто – верил. Как может верить только маленький ребёнок: всем телом, всем сердцем, без условий, без сомнений, без оговорок.

Мне рассказывала о Нём прабабушка. Она была верующей – искренне, глубоко, всерьёз. Не из страха, не из традиции, а из внутреннего убеждения, которое невозможно описать словами. Я не помню точных фраз, но помню её интонацию – спокойную, тихую, наполненную уверенностью. Бог в её речи не был кем-то внешним – Он был как воздух, как тепло, как колыбельная перед сном. Я впитывал его, как впитывают запах хлеба или звуки любимой песни, не зная ещё, что такое сомнение.

А потом – я не помню точно, где – в детском садике, на улице, может быть, у кого-то в гостях – я услышал другую правду. Мне её сказали взрослые – те самые, которым я был приучен верить без вопросов: – Бога нет. Космонавты летали – и никого там не нашли.

Это было сказано буднично. Без издёвки, без пафоса. Просто – как очевидность. И я сразу поверил. Потому что это говорили взрослые. Потому что всё вокруг будто подтверждало это: книги, мультики, фразы, поведение. Вдруг оказалось, что всё вокруг знает, что Бога нет. А я – не знал. И мне даже стало немного стыдно за свою прежнюю веру.

Так что я принял это с радостью. Как освобождение. Теперь я умный. Теперь я знаю.

А потом – почти сразу – пришло страшное.

Когда вечером я лёг в кровать, и свет был выключен, и комната замерла – ко мне пришла мысль, которая буквально парализовала: «Я умру. Всё закончится. Меня не будет. Никогда».

Я не просто понял это. Я прожил это изнутри.

Я не мог выразить это словами. Я не мог кому-то пожаловаться. Я просто лежал и плакал, пятилетний мальчик – плакал в подушку от ужаса, который был слишком большим для моего тела. Я не хотел в это верить – но чувствовал, что это неизбежно. Это не был страх чудовищ или темноты. Это был страх ничего. И это ничто смотрело на меня, и я не знал, куда деться.

И тогда меня спас мой отец.

Он не был верующим. До самого конца своих дней он не поверил – ни в Бога, ни в богов. Он был человеком науки, разума, здравого смысла. Но при этом – человеком невероятной доброты, силы и глубины.

Когда я – заплаканный, сбивчивый, напуганный – попытался сказать ему, что я боюсь умереть, он не стал говорить о душе, о рае, о перерождении. Он сказал мне: – Да нет, ты что, сынок. Конечно, ты не умрёшь. К тому времени, как ты вырастешь, уже изобретут таблетки от смерти.

Я поднял голову. – Правда? – Конечно. Уже над этим работают. Учёные всё скоро сделают. Лет десять, двадцать – и мы все будем жить вечно. Ты – точно. И мы с мамой, думаю, тоже успеем.

И я поверил. Я снова засыпал спокойно. Я снова жил.

И – да, это была вера. Не в Бога. А в таблетку бессмертия.

В науку как нового бога. В лаборатории вместо храмов. В биотехнологии вместо чудес.

Отец дал мне новую религию – и она работала.

Лет через пятнадцать я понял, что он сам в это не верил. Что он всё это сказал, чтобы меня успокоить.

Но это не имело значения. Он дал мне надежду, которая прожила во мне много лет.

И я знаю, что не я один такой.

Мне кажется, человечество в какой-то момент тоже перешло на эти таблетки.

Мы поверили, что наука – это прогресс, это лечение.

Бог – это фольклор, это традиция.

И вот ты уже говоришь себе: – Ты просто боишься. Вот и выдумываешь. – Души нет. Посмотри правде в глаза. – Всё – молекулы. Хромосомы. Органика. Электрические импульсы. Конец.

Часть 2. Физика и её границы

Intro

Существует старая мудрость, гласящая, что любая развитая технология неотличима от магии. Долгое время так и было. Но мы живем в мире, где эта истина перевернулась. Сегодня любое подлинное чудо рискует оказаться неотличимым от хорошо объясненной науки.

Нам кажется, будто мир стал понятен. Мы смотрим на живую клетку, на этот невероятный город внутри капли воды, и называем это биохимией. Мы вглядываемся в ночное небо, в эту безупречно настроенную симфонию звезд, и говорим, что это просто космология. Чудо не исчезло – мы просто перестали его видеть. Мы не разучились смотреть – мы разучились удивляться.

И возможно, именно эта привычка к объяснению мешает нам понять главный смысл старой мистической фразы: когда мы смотрим на Вселенную, она смотрит на нас. Благодаря современной физике, эта поэзия обретает пугающе прямой смысл. А что, если наше сознание – это не сторонний наблюдатель, а тот самый орган, которым Вселенная познает саму себя? И каждый наш взгляд в микроскоп – это ее взгляд в собственное сердце.

Молчание о главном

На первый взгляд, включение в эту книгу раздела, посвящённого физике, может показаться неожиданным. Однако это – фундамент для всего, о чём мы будем говорить дальше. Без него вся конструкция, которую мы попытаемся выстроить на страницах этой книги, будет шаткой и неубедительной.

Нужно понимать, для чего это необходимо. Когда мы, например, сделаем заявление: «Человек не может быть полностью описан в своём геноме», – у любого здравомыслящего читателя немедленно возникнет вопрос: «А где же тогда он описан? Где находится остальная информация? В воздухе, что ли?»

И этот вопрос абсолютно логичен, потому что он исходит из привычной картины мира, заложенной в нас ещё со школы: есть пустое пространство и есть частицы, из которых всё состоит. Но с точки зрения современной физики, мир уже давно не такой. И «недостающая» информация может находиться там, где наш бытовой здравый смысл даже не пытается её искать.

Она может быть закодирована в дополнительных измерениях, внешних или скрученных внутри того, что мы считаем неделимыми частицами. Она может существовать в виде нелокальных связей с параллельными вселенными. Она может содержаться в самой структуре пространства-времени, о природе которых мы знаем очень мало. Более того, Вселенная в целом может оказаться не такой, какой она нам кажется. И она уже такой оказалась, с точки зрения самой строгой современной физики. Мир, который описывает передовая наука сегодня, – это уже не тот мир, который мы знали двадцать-тридцать лет назад, и не та упрощённая модель, которую до сих пор по инерции преподают в школах.

Поэтому, если мы хотим говорить на языке науки, а не мистики, нам жизненно необходим этот раздел.

Физика – это, без сомнения, самая точная, самая сложная и самая важная из всех существующих наук. Именно ей человечество обязано самыми грандиозными достижениями во всех областях, какие только можно себе представить. Без успехов физики не было бы ни современной медицины, ни генетики, ни химии в их нынешнем виде. Весь технологический уклад, вся мощь цивилизации покоится на фундаменте, заложенном физиками. Что же могут дать разговоры о ней, кроме признания её величия?

Например, когда речь заходит об абиогенезе, цель ясна: выбить из-под догматического материализма его главную опору – веру в случайное зарождение жизни. Но зачем же трогать физику, эту несокрушимую цитадель знания?

И всё же, при внимательном и более глубоком взгляде становится ясно: именно физика, как ни парадоксально, сыграла решающую и определяющую роль в том, что человечество вообще поверило – и в абиогенез, и в материалистическое происхождение сознания, и в безмолвную, бесцельную Вселенную. Эта вера возникла не потому, что биология или нейронаука предоставили убедительные и неопровержимые доказательства. Она родилась потому, что люди были ослеплены, заморожены, покорены ошеломляющими успехами самой блестящей и всемогущей науки – физики. Ведь действительно: как усомниться в той области знания, которая умеет предсказывать явления с поразительной точностью, которая дала миру энергию атома и, казалось бы, открыла устройство Вселенной? Доверие к физике стало своеобразной презумпцией, аксиомой, не требующей доказательств – и эта презумпция незаметно распространилась и на все остальные науки, которые говорили от её имени, даже если сами по себе не обладали ни такой строгостью, ни такой силой.

Именно поэтому необходимо присмотреться к ней повнимательнее. Можно увидеть, что физика, какой она была всего несколько десятилетий назад, и физика сегодняшняя – это, по сути, две разные науки. Та, ранняя, физика XX века, опьянённая своими великими открытиями, верила, что вот-вот свернёт горы и раскроет все тайны мироздания. Сегодняшняя же физика, как можно будет увидеть, закопалась так глубоко, что в каком-то смысле перестала быть естественной наукой. Она всё больше превращается в раздел прикладной математики. Она смотрит на мир уже не просто через увеличительное стекло или микроскоп. Она смотрит на мир через призму приборов такой невероятной точности, что теряет возможность воспринять явление таким, какое оно есть.

При этом нужно отдать должное самим учёным-физикам. В большинстве своём они ни на что и не претендуют. Они поглощены своими уравнениями, своими сложнейшими экспериментами. Если упрекнуть их в том, что они посягают на создание нового мировоззрения, они посмотрят на вас с искренним удивлением. Но именно это их молчание о главном, это нежелание выходить за рамки формул и есть то, что создаёт вокруг науки ауру всезнания. И это молчание глубоко неуместно. Оно появилось не так давно, и появилось оно в результате того, что, изучая мир всё глубже и глубже, сама же физика начала понимать, что ничего не понимает в этом мире.

Давайте попробуем понять масштаб произошедших перемен, и для этого нужно сделать небольшой исторический шаг назад. Физика конца XIX – начала XX века была наукой триумфаторов. Открытие электромагнетизма, законов термодинамики, первые шаги в изучении строения атома – всё это создавало пьянящее ощущение почти всемогущества человеческого разума. Казалось, что Вселенная – это гигантский, но в своей основе простой и понятный механизм. Нужно лишь найти последние, недостающие шестерёнки, описать их точными уравнениями, и картина мира будет завершена.

В этой картине не оставалось места ни для таинственного, ни для сверхъестественного: любой феномен, рано или поздно, должен был найти своё объяснение в рамках чётких, детерминированных законов.

Именно эта вера в познаваемость и механистичность мира и стала тем философским фундаментом, на котором вырос современный научный материализм. Если уж физика, царица наук, обещает всё объяснить через взаимодействие материи и энергии, то какие могут быть сомнения в том, что жизнь – это просто сложная химия, а сознание – сложная электрохимия? Оптимизм физиков стал индульгенцией для всех остальных.

Но затем случилось то, чего никто не ожидал. Заглянув внутрь атома, физика не нашла там предсказуемых и понятных «шестерёнок». Она нашла там безумие. Она обнаружила мир, который не подчиняется законам повседневной логики, мир квантов, где частицы могут быть волнами, где причина и следствие теряют свою однозначность, где сама реальность, казалось, зависит от того, смотрят на неё или нет.

Отцы-основатели квантовой механики – Эйнштейн, Бор, Шрёдингер, Гейзенберг – были не просто физиками, они были по-настоящему глубокими мыслителями. И они были потрясены философскими последствиями собственных открытий. Их знаменитые споры были не сухими техническими дебатами о формулах, а титаническими битвами за понимание самой природы бытия. «Квантовая механика внушает мне глубокое уважение, – писал Эйнштейн Макс Борну в 1926 году, – но я убеждён, что Господь не играет в кости». Что есть реальность? Что первично? Какую роль в устройстве мира играет сознание? Они ясно ощущали: они натолкнулись на тайну, которая выходит далеко за пределы простого физического описания.

Но следующее поколение учёных, пришедшее им на смену, выбрало другой путь. Вместо того чтобы продолжать этот мучительный поиск ответов на вечные вопросы, оно приняло гениальную в своей прагматичности и трагичную по своей сути установку, которую можно

выразить знаменитым девизом: «Заткнись и считай!». Смысл её прост: неважно, что это такое и почему оно так себя ведёт. Важно лишь то, что существует математический аппарат, который позволяет с невероятной точностью предсказывать результаты экспериментов. Не следует задаваться лишними философскими вопросами, а следует просто использовать этот инструмент для создания технологий.

Этот подход принёс феноменальные результаты. Лазеры, транзисторы, ядерная энергетика, компьютеры – вся современная цивилизация является продуктом этого «умения считать». Но за этот технологический триумф была заплачена огромная цена: физика перестала быть наукой о природе реальности. Она стала наукой о математическом описании результатов взаимодействий с реальностью. Она превратилась из естествознания в невероятно сложный и изощрённый раздел прикладной математики. Она научилась предсказывать, но разучилась понимать.

И всё же, при всей критике её философских оснований, современная физика заслуживает прежде всего не упрёков, а глубокого восхищения. И восхищения не только за её технологические триумфы, но, что гораздо важнее, – за её откровенность. Познав мир на невыносимой прежде глубине, она, по сути, заново открыла для себя мудрость Сократа, заключённую в знаменитой фразе: «Я знаю только то, что ничего не знаю». Это возвращение к исходной точке, к признанию собственного неведения, и есть самый важный результат науки XXI века.

Когда самая фундаментальная наука, по сути, молчаливо признаёт своё онтологическое бессилие, когда она сообщает: «Мы можем рассчитать это с точностью до восемнадцатого знака после запятой, но понятия не имеем, что это такое», – это не признак её провала. Это и есть тот высший признак интеллектуальной честности перед лицом Тайны. И это даёт людям, ищущим смысл, полное право сказать: «Спасибо за вашу честность и за ваши удивительные инструменты! Но раз вы сами не готовы интерпретировать ту странную реальность, на которую указывают ваши приборы, вы тем самым открываете нам возможность и даёте право делать это самостоятельно».

Простой, скучный, предсказуемый мир материализма XX века мёртв. Его разрушили открытия самой физики, показавшие, что реальность куда сложнее, загадочнее и богаче, чем думалось раньше. И именно это новое понимание становится основой для продолжения пути. Оно даёт право – и даже обязанность – свободно мыслить, сомневаться и пересматривать другие догмы, которые ещё вчера казались несокрушимыми.

Две физики для одной Вселенной

У современной физики много проблем. Но это не те проблемы, которые говорят о слабости или несостоятельности науки. Напротив, именно эти «проблемы» – зияющие дыры на карте реальности, парадоксы и внутренние противоречия – делают физику чрезвычайно интересной, осмысленной и по-настоящему безграничной в своём стремлении к познанию. Они не принижают её, а лишь подчёркивают величие той Тайны, с которой она имеет дело.

Но главная проблема носит не частный, а всеобъемлющий, фундаментальный характер. Она заключается в том, что физика как единая, цельная наука на сегодняшний день просто не существует.

Конечно, в любой обширной области знания есть свои подразделы. В самой физике можно выделить классическую механику, термодинамику, электромагнетизм и т.д. Точно так же и химия состоит не из одного целого, а из множества направлений: органическая, неорганическая, физическая, аналитическая, биохимия.

Это естественный и продуктивный процесс специализации. Но все химики, чем бы они ни занимались, опираются на одни и те же фундаментальные законы – на теорию атома, на понимание природы химической связи. Все они говорят на одном языке.

В современной фундаментальной физике ситуация совершенно иная. Это, пожалуй, самый драматичный и глубокий раскол во всём здании современной науки. Физика сегодня расколота на две научные традиции – два совершенно разных способа описания мира, между которыми до сих пор не найдено полного согласия. Эти две части не просто занимаются разными масштабами явлений – они говорят на разных языках, исповедуют разную философию и, по сути, рисуют две разные, несовместимые картины одной и той же Вселенной. Одна из этих частей – это общая теория относительности. Вторая – это квантовая физика.

Это не похоже на разделение труда в медицине, где есть кардиолог, лечащий сердце, и ревматолог, лечащий суставы. И тот, и другой врач исходят из единого понимания человеческого тела. Они просто являются экспертами по разным системам одного и того же организма.

Разлом в физике – это нечто более глубокое. Если представить себе на мгновение медицину, в которой врачи, лечащие болезни головы, верили бы, что тело состоит из вибрирующих энергетических полей, а в качестве терапии использовали бы резонансы и медитации. А врачи, лечащие всё, что находится ниже шеи, считали бы тело механическим автоматом, набором рычагов, шестерёнок и гидравлических трубок, и лечили бы его исключительно с помощью гаечных ключей, паяльника и смазочного масла. И при этом оба метода давали бы феноменальные, работающие результаты в своей области! Врачи-механики блестяще чинили бы переломы и меняли суставы, а врачи-мистики добивались бы поразительных успехов в лечении мигреней. Именно в таком положении «концептуальной шизофрении» и находится сегодня фундаментальная физика. У неё есть два невероятно успешных, но абсолютно несовместимых метода «лечения» реальности.

Рассмотрим эти две «физики» поближе, не углубляясь в сложные формулы, а пытаясь уловить их дух, их философию.

Общая теория относительности (ОТО) – это физика больших объектов и больших скоростей. Это мир космоса, мир звёзд, галактик и самой Вселенной как единого целого. Это вотчина Альберта Эйнштейна. В этом мире царит порядок, элегантность и строгий детерминизм. Реальность здесь плавная, непрерывная и предсказуемая. Пространство и время не являются пустой сценой, а представляют собой единую, гибкую «ткань», которая может изгибаться и вибрировать. Массивные объекты, такие как планеты, не притягивают друг друга невидимой силой, а просто продавливают эту ткань, заставляя менее массивные тела скатываться в образовавшиеся «гравитационные колодцы». Это мир величественной, спокойной и понятной гео-

метрии. В этом мире нет места случайности. Бог, как говорил Эйнштейн, не играет в кости. Это мир классической мечты о полном и окончательном познании.

Квантовая физика – это полная противоположность. Это физика очень маленьких объектов: атомов и элементарных частиц. Это мир, где правят вероятность, неопределённость и парадокс. Реальность здесь не плавная, а прерывистая, «квантованная», существующая в виде отдельных порций. Частица, такая как электрон, не является крошечным твёрдым шариком. Это нечто неопишемое, что ведёт себя то как частица, то как волна, причём не волна чего-то материального, а волна вероятности. До тех пор, пока не произведено измерение, электрон не находится в какой-то конкретной точке – он как бы размазан по всему пространству в виде облака потенциальных возможностей.

Само понятие точной траектории здесь теряет смысл. Это мир, где события могут происходить без видимых причин, где частицы могут мгновенно «узнавать» о состоянии друг друга на расстоянии, где вакуум кишит рождающимися и исчезающими виртуальными частицами. Это мир, где случайность вплетена в самую ткань бытия.

Эти две теории говорят на совершенно разных языках. Одна – на языке геометрии и непрерывных полей, другая – на языке вероятностей и дискретных состояний. Одна детерминистична, другая – принципиально случайна. При этом обе они обладают великолепной, захватывающей дух предсказательной точностью. Расчёты, сделанные на основе ОТО, позволяют корректировать ход спутников GPS, где часы из-за релятивистских эффектов приходится ежедневно подгонять на десятки микросекунд. Расчёты же, сделанные на основе квантовой механики, лежат в основе всей электроники, от лазеров до процессоров в компьютерах. Они обе безупречно работают. И они описывают один и тот же мир.

Физики научились виртуозно пользоваться этими теориями, как двумя костылями. Когда им нужно описать поведение галактики, они берут «костыль» ОТО. Когда им нужно описать поведение транзистора, они опираются на «костыль» квантовой механики. Они даже научились сшивать их в некоторых пограничных областях, используя сложные математические трюки. Но все без исключения физики понимают: это именно костыли. Это временные подпорки для хромой теории, а не прочный фундамент единого знания. Физика обязана быть единой. Не может быть двух разных наборов законов для одного и того же мира.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.